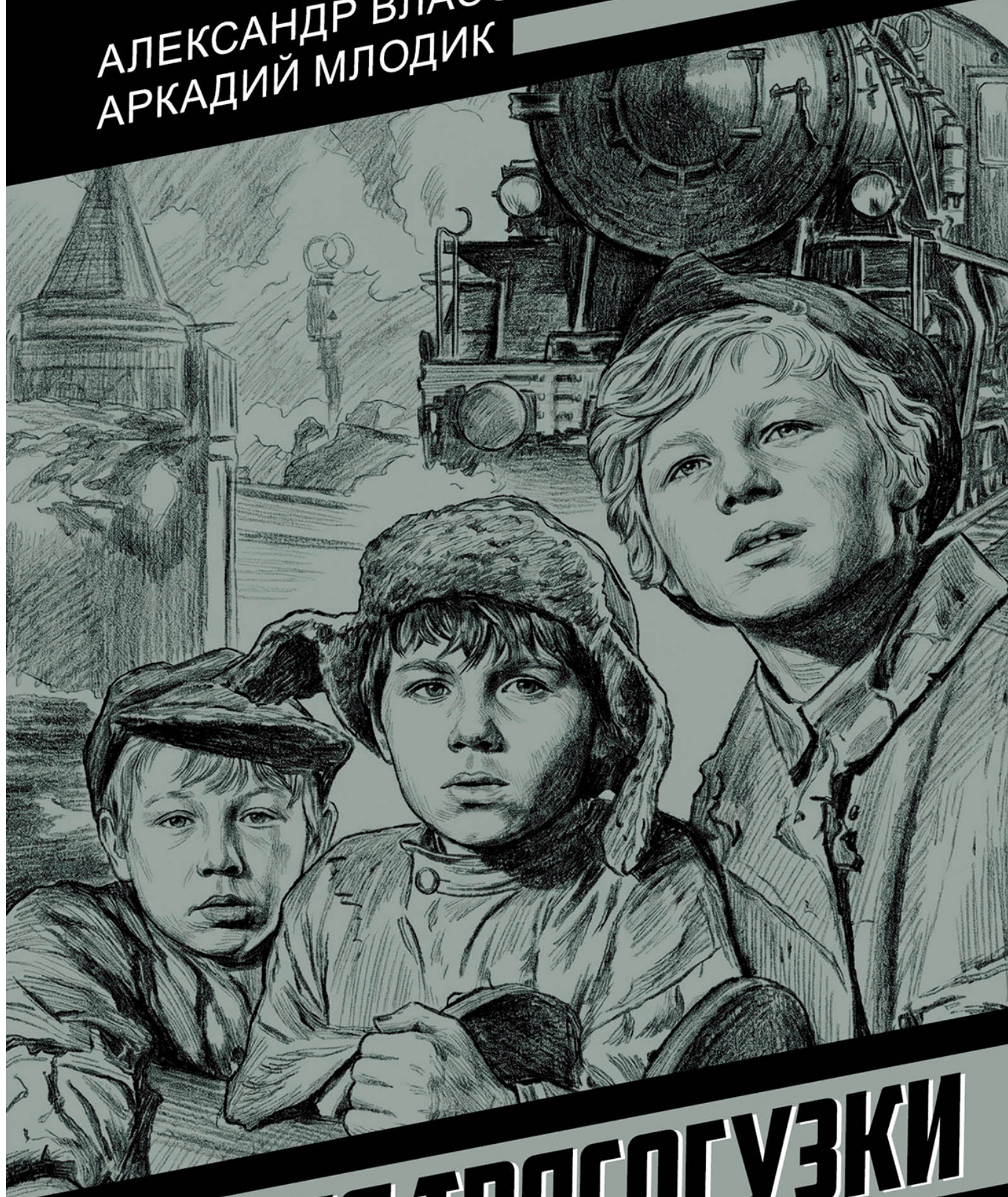

АЛЕКСАНДР ВЛАСОВ
АРКАДИЙ МЛОДИК

АРМИЯ ТРЯСОГУЗКИ

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Аркадий Млодик

Армия Трясогузки

«Алисторус»

1963

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Млодик А. М.

Армия Трясогузки / А. М. Млодик — «Алисторус»,
1963 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-646-8

Перед вами удивительная книга, книга-бомба, книга-сенсация. Головокружительные приключения, тонкий юмор, захватывающая атмосфера революционных баталлий, когда вас на каждом шагу подстерегает опасность. Это настоящая находка для всех ценителей остросюжетного жанра. Идет Гражданская война. Три беспризорника: русский по прозвищу Трясогузка, латыш Мики и цыганёнок организовали подпольную «армию» для борьбы с мировой контрой. Они действуют в колчаковском тылу и ставят в тупик белую контрразведку. Заинтересовались таинственными союзниками и большевики... Эти неуловимые ребята давали фору даже красным дьяволятам! Читайте лучший приключенческий роман всех времен и народов!

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-646-8

© Млодик А. М., 1963
© Алисторус, 1963

Содержание

Часть первая	6
Крушение	6
Два флажка	9
Контрразведка	11
На базаре	14
Облава	16
Барон Бергер	19
Вербовка	22
Подвал	25
Цыган-разведчик	28
Трясогузка работает	31
Мика в засаде	34
Оперативное совещание	38
Ночной концерт	41
План командира	43
Бунт	45
Переполюх	47
Подготовка контрудара	49
Напрасная тревога	51
Вечер воспоминаний	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Александр Ефимович Власов,
Аркадий Маркович Млодик
Армия Трясогузки**

© Власов А. Е., правообладатели, 2026

© Млодик А. М., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Часть первая

Крушение

Обходчик Тимофей Егорович шагал по шпалам и, как рассерженный дятел, стучал молотком по рельсам.

Слева и справа стоял лес. Моросил дождь. Под мокрыми деревьями ещё лежал снег, серый, пропитанный холодной весенней водой.

Впереди лес кончился. Рельсы устремлялись к станции с водокачкой, устало опустившей свои хобот. Виднелась высокая труба, грязным пальцем уткнувшаяся в небо. Краснел кирпичный корпус депо, за которым начиналась кривая улица небольшого городка.

И в городке, и на железной дороге хозяйничали колчаковцы. Тимофею Егоровичу приходилось их обслуживать. Потому и сердился он, но приказ большевистского подполья выполнял свято: линию охранял днём и ночью. На его участке поезда проходили без задержек.

Иногда старый обходчик не выдерживал и, встретившись с Кондратом Васильевичем, с обидой говорил:

– Ты из меня холуя колчаковского делаешь!

Кондрат Васильевич руководил оставшимися в городе большевиками. Это был человек удивительной выдержки и большой воли. Выслушав старика, он в который раз принимался терпеливо разъяснять обходчику одно и то же:

– Ты – наши глаза на железной дороге. А глаза надо беречь!.. Если какой состав пустить под откос потребуется, сделаем без тебя и подальше от твоего участка.

Тимофей Егорович возвращался на железную дорогу и снова шагал по шпалам, постукивал молотком по рельсам, подвинчивал гайки, забивал поглубже расшатавшиеся костыли, подсчитывал вагоны проходящих мимо составов и наметанным глазом безошибочно определял, что и куда везут. На запад шли эшелоны с солдатами и боеприпасами, а обратно возвра-

щались теплушки, набитые ранеными, опломбированные вагоны с добром, наворованным для адмирала Колчака и его приближённых.

Обходчик уже подходил к опушке леса, когда сзади послышался перестук колёс. Тимофей Егорович сошёл со шпал на тропку и приготовил зелёный флажок.

Состав был короткий: паровоз, пассажирский вагон и четыре теплушки. Вместо машиниста обходчик увидел в паровозной будке двух солдат в гимнастёрках с засученными рукавами. Это возвращался карательный отряд, три дня назад выехавший из города. Колчаковцы сожгли несколько деревень и расправились с крестьянами, которые помогали партизанам.

Обходчик просигналил зелёным флажком: всё в порядке, путь безопасен.

Из теплушек вылетали пьяные голоса:

Соловей, соловей, пташечка, Канареечка жалобно поёт!..

Тимофей Егорович убрал флажок и с ненавистью сказал:

– Чтоб вам ни дна ни крыши! Провалиться б вам сквозь...

Он не закончил ругательства и застыл с приоткрытым ртом. Состав гроыхнул буферами, накренился набок. Вагоны, как подбитые утки, вразнобой заковыляли вдоль рельсов и с грохотом повалились вместе с паровозом под откос, подмявая придорожный кустарник.

Два флажка

Эти странные флажки почти одновременно попали в два штаба: один – к колчаковскому полковнику, второй – к Кондрату Васильевичу Крутову.

Оба флажка были из белого батиста, с одинаковыми надписями. На одной стороне виделось слово «красный», на обратной – два слова: «Армия Трясогузки».

Полковник брезгливо взял из рук адъютанта флажок, посмотрел на корявые буквы и спросил сквозь зубы:

– Что ещё за Тря-со-гуз-ка? Кличка партизана?

– Почерк детский, ваше превосходительство! – робко заметил адъютант.

– Ваша догадка лишена основания. Грамотность этих скотов до смерти остаётся на детском уровне, – возразил полковник. – Сколько разбито вагонов?

– Пять вагонов и... паровоз.

– Пять вагонов и паровоз! – воскликнул полковник. – Вполне наивный детский почерк!

Он взял карандаш, придвинул к себе донесение об аварии и наложил резолюцию: «Есаулу Благову. Расследовать. Начать с обходчика».

В это время Тимофей Егорович сидел в комнате у Кондрата Васильевича. Для оставшихся в городе большевиков она служила подпольным штабом, а официально называлась мастерской жестянщика. Днём Кондрат Васильевич чинил вёдра, лудил кастрюли, а по ночам ремонтировал оружие для партизан и подпольщиков.

Кондрат Васильевич с любопытством осмотрел флажок, хмыкнул, взъерошил короткие волосы на голове,

– Может, он случайно оказался у дороги?

Обходчик не согласился:

– Никакая не случайность! Два их было, флажка: один колчаковцы нашли, а этот я подобрал. И костыль я потом отыскал.

– При чём тут костыль? – спросил Кондрат Васильевич.

– При том! Его кто-то на рельсу положил – оттого и авария произошла. А флажки по обеим сторонам воткнуты были. Умысел тут явный!

– Умысел, умысел! Глупый умысел-то! – проворчал Кондрат Васильевич. – Какой нормальный человек устроит ловушку и флажками её украсит? Да ещё с дурацкой надписью: армия, и не какая-нибудь, а Трясогузки! Ишь какой Наполеон открылся! А ведь грамотный, чёрт: кавычки нарисовал! – Кондрат Васильевич ткнул пальцем флажок. – Похоже – интеллигент из сочувствующих сработал! Надо будет искать, – может, стоящий человек.

– То ненормальный, то стоящий! – съязвил Тимофей Егорович.

– Ненормальный в смысле того, как крушение подстроил, а стоящий – из-за грамоты, – объявил Кондрат Васильевич. – У нас грамотеев раз, два – и обчёлся! И учти – человек, вроде, наш: сам написал – красный.

– Хорош красный! – продолжал сердиться обходчик. – Глаза он тебе выколол!

Кондрат Васильевич не понял:

– Какие глаза?

– А не ты ли глазами меня называл?... Ослепли глаза! Мне теперь на дорогу ни-ни!

– Я уж подумал об этом. Сегодня отправлю тебя к партизанам. Но ты не жалея: мы за карательным отрядом давно охотились!

Где-то на улице заиграла гармошка. Кондрат Васильевич поспешно встал с табуретки, взялся за верстак, заваленный чайниками и плошками, передвинул его вместе с двумя половиками, к которым были прикреплены ножки. Открылась узкая щель люка, ведущего в подвал.

– Залезай!.. Кто-то идёт! – сказал он обходчику, указав на люк. – Отдохни до ночи. Там и еда есть, и кровать.

Тимофей Егорович кряхтя полез вниз, а Кондрат Васильевич подвинул верстак на старое место и посмотрел в окно.

Мастерская стояла в самом конце улицы. Чтобы попасть к жестянщику, надо пересечь пустырь, который хорошо просматривался из окон мастерской. Место было удобное. Никто не мог незаметно подкрасться и неожиданно войти в штаб подпольщиков.

Для ещё большей безопасности в двухэтажном деревянном доме напротив пустыря постоянно находился дежурный. Если в мастерской происходила встреча подпольщиков, дежурный, увидев незнакомого человека, начинал играть на гармошке.

По пустырю шла женщина с тазом.

– Не вовремя несёт тебя, бабка! – произнёс Кондрат Васильевич и принялся раздувать притушенный горн.

Угли заалели вновь. Он бросил в огонь батистовый флажок.

Контрразведка

Контрразведку в городке возглавлял есаул Благов. Сами колчаковцы ненавидели его и боялись. Говорили, что есаул – родственник одного из заправил омского белогвардейского правительства.

Благов был высок и строен. Чёрный чуб выбивался из-под папахи и нависал над узким лбом. Большие тёмные глаза навывкате смотрели не мигая. Не всякий мог выдержать этот пристальный взгляд.

Получив от полковника флажок армии Трясогузки, Благов долго не раздумывал. У него была одна улика – кусок батиста. Есаул послал пятерых солдат на поиски обходчика, остальным приказал произвести в городке повальный обыск.

Крушение произошло в девятом часу утра, а уже в полдень к дому, в котором располагалась контрразведка, привели группу задержанных. Есаул вышел на крыльцо, чтобы рассортировать их: кого отпустить, а кого оставить для дальнейшего расследования.

В бедных семьях батист – редкость, поэтому большинство задержанных было из зажиточных слоев, поддерживавших колчаковский режим.

– Какое издевательство! – слышалось из толпы.

– Хуже, чем большевики!

– Мы самому Колчаку пожалуемся!

Это не смутило есаула. Он обвёл людей тяжёлым взглядом, переложил флажок, из правой руки в левую, вынул из кобуры кольт и сказал негромко, но так, что слышали все:

– Богу пожалуетесь!.. Давай!

Унтер-офицер вывел из толпы женщину с отрезом белого материала и подтолкнул к крыльцу. Благов сравнил флажок с материалом и отрывисто произнёс:

– Свободна!

Унтер-офицер выхватил отрез у женщины и снова подтолкнул её:

– Иди!

И она, пошатываясь, вышла за кольцо солдат.

Через полчаса толпа задержанных поредела, а у ног есаула вырос ворох отобранных вещей. Тут были платья, скатерти, занавески, куски сатина, ситца, шёлка.

Колчаковцы воспользовались удобным случаем и отбирали всё, что им приглянулось.

К Благову подвели мужчину в форме железнодорожного служащего. В руках он держал большой батистовый платок. Есаул не успел сравнить его с флажком. Разбрызгивая уличную грязь, к дому подъехал автомобиль. Солдаты расступились, узнав машину полковника. Она круто остановилась у самого крыльца. Вышел адъютант.

– Прекратите это безобразие! – сухо сказал он есаулу. – Кого вы задержали? Возмущены лучшие люди города! Телефон трезвонит без умолку! Полковник в гневе.

– Мне сказано найти... – начал было есаул, но адъютант прервал его:

– Вам надо поучиться классовому чутью у большевиков!

– У меня одна примета – батист! – выпалил есаул.

Адъютант усмехнулся, вытащил из кармана батистовый платок и, кивнув в сторону кучки задержанных, спросил:

– Может быть, и мне встать с ними?... Отпустите их, – это категорический приказ полковника!

Есаул молча повернулся и вошёл в дом, громко хлопнув дверью.

– Отпустите их! – повторил адъютант унтер-офицеру и добавил, обращаясь к задержанным: – Господа! Вы свободны!

Мужчина в форме железнодорожного служащего прикоснулся пальцем к козырьку фуражки и шагнул к адъютанту:

– Разрешите поблагодарить вас за восстановленную справедливость!

Он выговаривал слова очень правильно, с той старательностью, с какой говорят по-русски иностранцы.

– С кем имею честь? – спросил адъютант довольно холодно.

– Инженер Бергер. Прислан к вам из Омска в качестве начальника железнодорожного депо.

– Барон Бергер? – приятно удивился адъютант. – Но каким образом вы очутились в числе задержанных?

– Вы отлично осведомлены о моей родословной! – мужчина поклонился. – А задержали меня потому, что я имел неосторожность, сойдя с поезда, вынуть из кармана батистовый платок.

Адъютант гневно взглянул на дверь, за которой скрылся есаул.

– Приношу вам самые искренние извинения! И прошу! – он жестом пригласил барона в машину. – Полковник спрашивал о вас уже трижды!

Автомобиль чихнул и поехал по улице.

Унтер-офицер сгрёб в охапку сваленные у крыльца вещи и понёс их к воротам. Из-за угла появился мальчишка-беспризорник. На голове у него блином лежала кепка без козырька. Рванный английский френч, в двух местах прошитый пулями, доходил ему до колен. Ниже виднелись полосатые пижамные брюки, прихваченные старыми солдатскими обмотками.

Беспризорник бесстрашно дёрнул унтер-офицера за хлястик шинели.

– Дядя, дай рубаху – брюхо прикрыть!

Унтер обернулся. Руки у него были заняты. Он ногой хотел пнуть мальчишку, но тот отскочил.

– Дай, говорю! – с угрозой повторил беспризорник и выдернул из охапки шёлковую рубашку.

– Держите его! – крикнул унтер-офицер солдатам.

Мальчишка выюном проскользнул мимо колчаковцев и, отбежав на безопасное расстояние, с вызовом крикнул:

– Кого держать? Меня? Хо-хо!.. У меня паспорт бессрочный! – беспризорник распахнул френч и хлопнул ладонью по голому животу. – А хотите – и гербовую печать покажу! – Он повернулся к солдатам спиной и звонко шлёпнул рукой пониже поясницы.

На базаре

Базар был местом, куда стекались все городские слухи и сплетни. И не случайно Кондрат Васильевич послал молодого подпольщика Николая Глухова на базарную площадь. Какой-нибудь разговор, чья-нибудь болтовня могли навести на след таинственной Трясогузки.

Николай в детстве сломал ногу и остался хромым, поэтому его не забрали в колчаковскую армию. Он помогал Кондрату Васильевичу чинить и паять кухонную посуду, но главная его обязанность заключалась в охране подпольного штаба. Николай жил с сестрой Катей в двухэтажном доме напротив мастерской. Они по очереди дежурили у окна и, когда надо, играли на гармошке.

На базар Николай отправился со связкой жестяных чайников.

На площади колыхалась густая толпа. Чего тут только не продавали! Подвыпивший старик торговал детскими гробиками. Женщина в мятой шляпе предлагала икону, уверяя, что она из чистого золота. Старуха сидела на большом котле с деревянной крышкой и на весь базар кричала:

– Кондер! Горячий кондер!

К этой «походной кухне» подошёл молодой парень со связкой книг. Он с наигранной бодростью протянул старухе всю связку.

– Держи, мать! Никому бы не отдал, а тебе дарю – за одну миску!

Старуха взглянула на книги и отвернулась.

– Ладно, за полмиски! – уже не так бодро произнёс парень.

Старуха отмахнулась, как от комара, и снова закричала:

– Кондер! Кому горячий кондер!

Николай, помня наставления Кондрата Васильевича, присмотрелся к парню, подошёл поближе и тихо спросил, положив руку на книги:

– Про трясогузку есть?

Парень оживился. У него появилась надежда продать книги и купить еду.

– Зачем вам про эту глупую птицу? – веско сказал он. – Есть про охоту на бенгальских тигров-людоедов! Страх и ужас! Берите по дешёвке! Только на ночь не читайте!

– Я слабонервный – не надо про тигров! – ответил Николай и пошёл дальше.

До него долетел приглушённый голос женщины, торговавшей глиняными горшками, крынками и кувшинами. Забыв о своем товаре, она рассказывала стоявшим вокруг людям:

– Которые мёртвые – сотня! Вот те Христос – не меньше! Так вповалку на шпалах и валяются! А раненых – без счёта! И говорят, будто баба крушение подстроила! Платочек там шёлковый нашли. По нему и сыск идёт. Как найдут у кого шёлк, – считай, что пропал!

Николай долго стоял около женщины, но она, исчерпав запас слухов, приукрашенных собственной фантазией, стала повторяться. Ничего нового он не узнал.

У забора, где народу было поменьше, сидел на фанерном чемодане пожилой мужчина в пенсне, в каракулевой шапке. На груди на цепочке висела узкогорлая чернильница. Из верхней петельки пальто торчали гусиные перья.

– Пишу прошения о помиловании, доносы и требования, иски и жалобы! Рука лёгкая! Успех гарантирован! – нараспев тянул он и начинал сызнова: – Пишу прошения о помиловании...

Николай подошёл к писцу, тронул его за плечо и неожиданно произнёс:

– Трясогузка... – и добавил после короткой паузы: – Полетела... Видать, лето скоро!

Писец неохотно приподнял голову. Над базаром пролетала ворона. Сквозь пенсне на Николая уставились колючие глаза.

– Это ворона, дурак!.. Пишу прошения о помиловании...

Николай отошёл, позвякивая чайниками.

Облава

Базар – рай для беспризорников. Их тут был не один десяток, и все «работали» кто как умел: попрошайничали, воровали, ходили на руках по лужам, чтобы удивить и разжалобить торговцев.

В узком проходе между заколоченными ларями стоял беспризорник в пижамных брюках и в кепке без козырька. Голый живот по-прежнему белел сквозь дырявый английский френч. Шёлковая рубашка, которую он раздобыл у колчаковского унтер-офицера, красовалась на втором мальчишке, с грустными задумчивыми глазами. Был он года на два младше своего дружка, маленький и шуплый, словно воробышка. В шёлковую рубашку таких, как он, влезло бы двое. Её плечи кончались где-то у локтей беспризорника. Рукава, чтобы не болтались, были обрублены топором. Сверху надета подбитая мехом жилетка.

Старший беспризорник, упершись руками в стены ларей, зорко смотрел из узкого прохода на базарную толчею. Под его рукой, как под крылом, стоял младший и глядел туда же.

– Подходящего не видать! – произнёс старший.

– Не видать, – как эхо, отозвался младший.

Из толпы торопливо выбрались двое других беспризорников и заспешили к выходу. Заметив английский френч, они остановились.

– Эй, англичанин! – крикнул один из них. – Последний раз говорю: пойдёшь к нам – получишь долю!

Мальчишка презрительно оттопырил губы.

– Долю? А что вам делить-то?

Беспризорники переглянулись и подошли к ларям.

– Протри гляделки!

На ладони лежал туго набитый кожаный бумажник.

– А что в нём? – любопытствовал мальчишка во френче.

– Сами не знаем – только что увели! Тёпленький!

Грязные пальцы раскрыли бумажник. В нём была пачка денег. На беспризорника во френче они не произвели впечатления. Он вытащил одну бумажку, осмотрел её и небрежно сунул обратно.

– Чешите отсюда! У нас дела покрупней!

Где-то в центре базарной площади забренчала гитара.

– За мной! – приказал мальчишка во френче своему дружку, и они нырнули в толпу, оставив воришек у ларей.

Играл на гитаре смуглый парнишка с курчавыми волосами. Он был босой и лихо месил ногами базарную грязь, аккомпанируя себе на гитаре. В замысловатых коленцах, которые он выкидывал перед зрителями, чувствовался навык. Танцору поощрительно хлопали. Но, когда он с шапкой в руке обошёл людей, не звякнула ни одна монета.

Парнишка выругался, блеснув белыми зубами, сердито швырнул шапку под ноги и с каким-то отчаяньем запел под гитарный перебор:

Наш верховный, наш правитель Защитил святую Русь! Дикой черни усмиритель, За тебя сейчас молюсь...

Все приумолкли: заинтересовались, какую частушку пропоёт беспризорник про «верховного правителя» – адмирала Колчака. Парнишка с ожесточеньем ударил по струнам и выкрикнул:

Вечека! Вечека! Приласкай же Колчака!

Точно взрывом разбросало толпу. Люди шарахнулись в разные стороны. За эту частушку могли расстрелять и мальчишку, и тех, кто слушал его. Вокруг него образовалась пустота. Только два дружка-беспризорника продолжали стоять, с сочувствием глядя на паренька, который заплакал от голода и обиды.

– Подходит? А? – спросил старший.

– Подходит! – подтвердил младший.

Беспризорник в английском френче вытащил кусок сахара, отколотый от целой головки, и протянул пареньку:

– Держи обеими!

Тот, не веря своим глазам, взял сахар.

– Облава! Обла-ва! – раздалось на базарной площади.

Началась паника. Парнишка подхватил шапку, гитару и словно растворился в разбегающейся толпе. Два дружка-беспризорника бросились к ларям: младший – впереди, старший – сзади. Обмотка у него развязалась и волочилась по земле, но поправлять её было некогда. Мальчишки один за другим влетели в узкий проход между ларями. В эту минуту Николай, бежавший за ними, наступил на обмотку. Беспризорник во френче упал, но тотчас вскочил и обругал Николая:

– Курица слепая! Очумел от страха!

Младший беспризорник уже раздвинул доски забора за ларями и пролез через потайную лазейку. Старший кинулся за ним. Николай тоже протиснулся в узкую дыру. Все трое очутились на свалке. Здесь никого не было.

– Спасибо, ребята! – сказал Николай. – Выручили!.. Может, когда-нибудь сквитаемся.

– Сейчас сквитаемся! – ответил мальчишка во френче, закручивая обмотку. – Гони чайник в подарок!

Николай отцепил от связки самый красивый чайник.

– Получай! Ну, а сахар у вас у самих есть – видел! Не знаю только откуда?

– Много будешь знать – скоро состаришься! – отрезал старший беспризорник. – За чайник мерси! – И, кивнув головой на прощанье, он приказал своему другу: – За мной!

Мальчишки быстро пошли по кучам мусора, а Николай остался у забора.

С базара долетали испуганные вопли. Контрразведка есаула Благова продолжала искать виновников крушения.

Барон Бергер

Они обедали вдвоём – полковник и барон.

– Не печальтесь, барон! – покровительственно произнёс полковник. – Мы ещё всё с вами вернём! Барон поднял бокал с вином.

– Я понимаю!.. Кстати, вот и ответ на ваш вопрос: почему я, барон, решил пойти на такую должность. Я не хочу ждать сложа руки! Пока мы не победили, я не барон, я слуга доблестной армии и готов выполнять самую чёрную работу!

– Вы настоящий патриот! – воскликнул полковник.

Они выпили.

– Как вы считаете, с чего мне начать? – спросил барон.

– С самого главного – с ремонта бронепоезда. Им интересуется адмирал Колчак! – полковник помедлил и сказал: – Простите, но я буду откровенным до конца... Вашего предшественника пришлось расстрелять за нераспорядительность. Рабочие разбежались из депо. Остался какой-то пяток посредственных слесарей. Им не осилить ремонт бронепоезда.

– Тогда я начну с рабочей силы, – задумчиво произнёс барон. – Вы мне не откажете в солдатах для этой акции?

– Берите хоть роту!

– Достаточно пока троих...

Через час новый начальник железнодорожного депо прошёл в сопровождении трёх вооружённых солдат по главной улице города. Богатые дома не интересовали барона Бергера: он искал рабочих. Дойдя до окраины, он зашёл в несколько хибарок. Солдат он оставлял у дверей и всякий раз приказывал:

– Никого не впускать и не выпускать!

Долго барон не задерживался – выходил из дома через две-три минуты, ворчал довольно громко: «Попрятались проходимцы!» – и шёл с солдатами дальше. Так они оказались у пустыря, где стояла мастерская жестянщика. Барон свернул к ней.

В двухэтажном доме заплакала гармошка. Девичий голос тоскливо затянул:

Догорай-гори, моя лучинушка...

У крыльца барон оставил солдат и вошёл в мастерскую.

Николай и Кондрат Васильевич были заняты своим делом: один лудил медную кастрюлю, другой вырезал ножницами большой круг из жести.

– Что вам угодно? – любезно спросил Кондрат Васильевич и улыбнулся как радушный хозяин.

Барон неторопливо оглядел мастерскую.

– Зажигалку починить можешь?

Кондрат Васильевич перестал улыбаться.

– Покажите.

Бергер вынул из кармана замысловатую серебряную зажигалку без колпачка. Кондрат Васильевич придирчиво повертел её в руках, придвинул к себе какую-то коробку, порылся в ней и вытащил из груды мелких металлических деталей серебряный колпачок. Приладив его к зажигалке, он крутанул колесико. Вспыхнул огонёк.

Барон вопросительно косился на Николая.

– Свой! – успокоил его Кондрат Васильевич.

Бергер пожал ему руку, кивнул Николаю и представился:

– Платайс, из латышских стрелков. Прислан разведотделом фронта с документами захваченного в плен барона Бергера.

– Это вы отравили под откос карателей? – быстро спросил Кондрат Васильевич.

– Нет. У меня другое задание. Официально я – барон Бергер, новый начальник железнодорожного депо. Прошу вас, товарищ Крутов, собрать вечером самых верных людей – потолкуем. Приду опять с охраной, не пугайтесь. Надо будет...

Снаружи снова донеслось тоскливое пение гармошки.

Кондрат Васильевич прервал Платайса.

– Осторожно – чужие!

– Выйдите со мной! – приказал Платайс.

Они вдвоём вышли на крыльцо. Солдаты почтительно вытянулись. Один из них доложил:

– Господин начальник! Есаул едет!

– Вижу.

К мастерской ехали верхом на лошадях три всадника. Впереди – есаул Благов. За пустырьём, на улице, виднелись солдаты. Обыски в городе продолжались.

Николай, наблюдавший из окна, встревожился. Он вытащил из кучи жестяных обрезков пару самодельных гранат, похожих на ржавые консервные банки, засунул их в карманы и тоже вышел на крыльцо.

Когда есаул подъехал, Платайс вежливо сказал:

– Прошу вас мастерскую не трогать. Этот человек, – он кивнул на Кондрата Васильевича, – мне нужен.

– Кому? – насмешливо спросил есаул.

– Мне! – твердо повторил Платайс. – Начальнику железнодорожного депо.

– Плевал я на твою должность! Ты лучше скажи: где я тебя видел?

– Рекомендую запомнить, – спокойно произнёс Платайс, – обращаясь ко мне, следует говорить «вы». Это во-первых. А во-вторых, немедленно уезжайте отсюда и молитесь богу, чтобы я не сообщил полковнику о приёме, который оказала мне ваша контрразведка утром.

– Я з-запомню! – заикаясь от ярости, крикнул есаул.

– Вот и превосходно!

Платайс повернулся к есаулу спиной и сказал Кондрату Васильевичу:

– Делай, как договорились: кого удасться, собери сегодня вечером, на остальных заготовь список с адресами. Я приду в восемь часов. И не вздумай обмануть! Тогда мне придётся обратиться за помощью к господину есаулу.

Платайс сошёл с крыльца. Сопровождавшие его солдаты двинулись за ним.

Благов долго и злобно смотрел ему вслед, потом перевёл взгляд на Кондрата Васильевича и Николая, которые продолжали стоять на крыльце, и вдруг взмахнул нагайкой. Конь понёсся прочь от мастерской. Пришпорили коней и солдаты из контрразведки...

Ровно в восемь в мастерской жестянщика началось совещание. Открыл его Кондрат Васильевич, проводил Платайс, а охраняли три колчаковских солдата. Старший сказал, сворачивая длинную самокрутку:

– Такого не расстреляют!

Двое других поняли, к кому относятся эти слова.

– Въедливый! – произнёс рябой солдат. – У меня ноги гудят – устал таскаться за ним по городу!

– А как он есаула отбрил! – подхватил третий.

– Благов ещё припомнит это! – отозвался старший.

Пока солдаты толковали между собой у крыльца, подпольщики быстро обсудили главный вопрос – как помочь Платайсу выполнить задание, с которым он прибыл в город.

Осталось уточнить некоторые детали. Внимательно оглядев собравшихся, Платайс спросил Крутова:

– Кого пошлём в партизанский отряд с нашим планом?

– Я пойду. Мне тут оставаться нельзя, – ворчливо произнёс Тимофей Егорович. – Подвела меня Трясогузка под самый монастырь!

Все заулыбались.

– Найдём мы твоего обидчика! – сказал Кондрат Васильевич.

– Найти, конечно, надо, – согласился Платайс. – Но основное не это. Сейчас все силы нужно направить на бронепоезд. Мы должны действовать без осечки!

Платайс встал, попрощался и пошёл к дверям. Здесь он остановился, и Кондрат Васильевич впервые увидел на его лице нерешительность.

– У меня к вам, товарищ Крутов, личная просьба, – начал Платайс. – Много у вас в городе безродных ребятишек?

– Хватает.

– Полгода назад... – продолжал Платайс, но так и не закончил фразу, махнул рукой, будто отрубил что-то, и произнёс совсем другим тоном: – Нет! Не время... Простите.

Вербовка

Было совсем темно. Улицы опустели. Невесело светились в окнах редкие огоньки. Посвистывал холодный ветер.

За железнодорожным депо, в тупике между сложенными в штабеля шпалами, мелькнули две тени.

– Здесь должен быть. Больше нигде! – прошептал беспризорник в английском френче и заботливо предупредил своего дружка: – Не упади – проволока!

– Не упаду!

Беспризорники пробирались к выгребным ямам. В холодные ночи ямы служили для бездомных спальней. Днём туда выгребали горячий шлак из паровозных топок. Спёкшаяся гарь и пепел долго хранили тепло. В самые трескучие морозы в ямах можно было отлично выспаться.

Мальчишкам повезло: в первой же яме они нашли того, кого искали. В темноте слышалось спокойное посапывание. На рогоже, брошенной поверх шлака, кто-то спал. Рядом лежала гитара.

– Он! – шепнул старший беспризорник.

Младший бросил вниз горсть песка. Жалобно зазвенели струны. Парнишка проснулся, сел и испуганно уставился на непрошенных гостей.

– Вылезь! – строго приказал старший беспризорник.

Квартирант выгребной ямы поднялся, схватил гитару, выпрыгнул наверх и припустился со всех ног по путям. Он подумал, что пришли постоянные хозяева «спальни».

Мальчишки догнали его. Старший подставил ногу, и паренёк упал.

– Бейте... Только гитару не троньте!

– Жрать хочешь? – неожиданно спросил старший беспризорник.

Парнишка недоверчиво поглядел на мальчишек. Только сейчас он узнал их: это они дали ему кусок сахара! Он робко улыбнулся и коротко произнёс:

– Ага! Хочу!

– Ещё раз побежишь – догонять не будем! Останешься голодным! – пригрозил старший беспризорник. – Иди за нами.

Молча дошли до сада, чуть освещённого окнами трактира, в котором каждую ночь пьянствовали колчаковские офицеры.

Старший беспризорник приказал пареньку с гитарой сесть на скамейку, на самое светлое место, а сам устроился в тени, заложил ногу на ногу, важно закачал носком ботинка и сказал:

– Начинай допрос, Мика!

Услышав про допрос, парнишка прижал к себе гитару и съёжился.

– Не бойся! – покровительственно произнёс младший беспризорник. – Отвечай: где жил?

– В Чите.

– Отец, мать есть?

– Нету, – всхлипнув, ответил парнишка и взмолился: – А пожрать-то когда дадите?

Старший беспризорник нахмурился.

– Спрашиваем мы! – одёрнул он паренька и ещё чаще закачал ногой. – Продолжай, Мика, допрос.

– Что с ними?

– Колчаковцы замучили...

Парнишка заплакал. Заморгал глазами Мика. У него запершило в горле, и он никак не мог задать следующий вопрос.

– Ну! – поторопил его старший беспризорник.

– Годен он, Трясогузка! Сразу видно – годен! – вырвалось у Мики, и он тотчас получил затрещину.

– Кличку командира вслух не произносят! – назидательно сказал старший и, снова заложив ногу на ногу, закачал носком ботинка.

За эту привычку он и был прозван Трясогузкой – пичугой, которая всегда покачивает хвостом.

Мика насупился, упрямо поджал губы, но пререкаться с командиром не стал и продолжал допрос:

– Как звать?

– Лёнкой! – соврал паренёк.

Горький опыт научил его скрывать настоящее имя. Обычно, узнав, что он цыган, беспризорники охотно брали его в компанию, заставляли плясать и петь без отдыха, а вечером отнимали и делили между собой всё, что он получал за день. Но смуглый цвет лица и чёрные курчавые волосы часто подводили паренька.

– Цыган? – спросил Трясогузка.

– Нет!

– Врёшь! Вижу, что цыган!

– Не цыган! – паренёк соскочил со скамейки. – С голода сдохну, а цыганом не буду!

Трясогузка удивлённо спросил:

– А чем плохо, если цыган?

– А чем хорошо? – горячился паренёк.

Трясогузка пожал плечами.

– Ни плохо ни хорошо... Обычно!

Ответ получился неубедительный. Трясогузка почувствовал это и рассердился.

– Есть у меня начальник штаба или нет? – повысил он голос.

– Есть! – отозвался Мика.

– Я, что ли, должен за тебя работать?... Разъясни ему!

Мика взял цыганёнка за руку, усадил на скамейку и с детской простотой сказал:

– А нам всё равно – кто ты. Лишь бы не белый, не трус и не вор!

– Будем звать тебя Цыганом, чтоб привык! – категорически заявил Трясогузка.

Парнишка промолчал.

– А теперь поклянись! – потребовал Мика. – Если трусишь, – гроб тебе сосновый, если тайну выдашь, – гроб осиновый, а если украдёшь без разрешения командира, – жевать тебе сырую землю три дня и три ночи!

Цыган с дрожью в голосе повторил страшную клятву и добавил от себя:

– Чтоб мне сорваться в тройном сальто с поворотами!

Трясогузка выслушал его и встал с такой торжественностью, что и Цыган поднялся со скамейки.

– Принимаем тебя в нашу армию! – произнёс Трясогузка и протянул новобранцу руку.

Подвал

За городом, на берегу реки, чернели развалины сгоревшего дома. Когда-то тут жил богатый купец. После революции он сжёг свой дом, а сам уехал в Японию. В сухую погоду ветер поднимал над пепелищем тучи чёрной пыли и нёс их в лес. Обугленные брёвна торчали, как рёбра скелета. Уродливо скрученные железные балки топорщились в разные стороны.

Никому и в голову не приходило, что под обгоревшими остатками дома в каменном подвале сохранился склад.

Очутившись зимой в незнакомом городе, Трясогузка набрёл на пепелище, переночевал за грудой кирпича, а наутро случайно обнаружил лаз, который вёл в подвал. Там лежали мешки с сахаром, крупой и сухарями, валялись рулоны белого батиста, висели копчёные колбасы, а в дальнем углу высилась пирамида небольших бочек с порохом.

Не рассчитал купец. Он надеялся, что огонь доберётся до пороха – и тогда от склада не останется ничего. Но каменные своды подвала не обрушились от пожара.

Два дня не вылезал Трясогузка из подвала – отъедался и отсыпался. На третий день он решил создать армию из беспризорников и отомстить за отца, расстрелянного белыми под Харьковом, за мать, умершую от тифа на далёком безымянном полустанке.

Беспризорников в городе было много. Одни уезжали в поисках хлебных и тёплых мест, другие приезжали в теплушках, в угольных ящиках, а то и прямо на буферах товарных вагонов.

Трясогузка не торопился. Он долго и тщательно выбирал будущего помощника.

Однажды Трясогузка бродил по путям на станции.

– Папа! Па-а-па! – долетело до него.

У платформы на деревянном сундучке стояла девчонка и испуганно звала отца. А рядом дрались беспризорники. Двое колотили третьего – самого маленького. Увёртываясь от ударов, он не выпускал из рук небольшой пакет, перевязанный верёвкой.

– Папа! – ещё раз крикнула девчонка. – Скорей!

К платформе спешил мужчина. Два беспризорника исчезли, а третий почему-то не побежал.

«Растерялся! – подумал Трясогузка. – Ох, и будет ему!»

Мужчина схватил мальчишку за шиворот и выхватил пакет.

Девчонка соскочила с сундука.

– Отпусти его, папа! Если б не он, они уворовали бы весь наш хлеб.

Отец отпустил мальчишку. Беспризорник подтянул штаны, окинул мужчину оскорблённым взглядом и молча пошёл прочь.

– Хочешь хлеба? – крикнул мужчина.

Беспризорник не оглянулся.

– Мальчик! – позвала девчонка.

Но беспризорник так и ушёл.

Он очень понравился Трясогузке. Это был Мика. Ему первому командир будущей армии доверил свою тайну и назначил его начальником штаба. Они вдвоём подготовили крушение поезда. Конечно, ни тот ни другой не знали, что под откос свалится состав с карательным отрядом. Но они не боялись ошибиться: по железной дороге ездили только колчаковцы.

Флажки придумал Трясогузка. Надписи делал Мика. Им хотелось, чтобы самому Колчаку донесли о существовании новой армии, которая объявила беспощадную войну всем бенякам.

Третьим в армию был принят Цыган.

Его привели к сгоревшему дому, втокнули в тёмный лаз, и он полз вперёд, пока не провалился в какую-то дыру. Удар был мягкий – под люком на полу подвала лежала охапка соломы. Даже гитара не сломалась.

Цыган услышал, как один за другим прыгнули Трясогузка и Мика.

– Это наш штаб! – послышался голос командира.

Вспыхнула спичка. Загорелась свеча. Цыган огляделся. Развешенные по стенам гирлянды баранок и связки копчёных колбас ошеломили его. Он, как слепой, начал ошупывать и нюхать колбасу. Наконец он вцепился в неё зубами, откусил, сколько мог, подпрыгнул, ударил по струнам гитары и пустился в пляс.

– Парад алле! – кричал Цыган. – Оркестр – туш

Командир и начальник штаба с опасением смотрели на своего бойца: не сошёл ли он с ума? Но Цыган плясал от неудержимой радости, которая охватила его, когда он понял, что больше голодать не придётся.

Не переставая брэнчать на гитаре, он вскочил на мешки с сахаром, перепрыгнул на ящик, а оттуда – на бочонок.

– Стой! Не двигайся! – завопил опомнившийся Трясогузка. – Там порох!

Цыган посмотрел вниз и чуть не выронил гитару: его босые ноги по щиколотки погрузились в мелкозернистый тёмный порошок.

Подбежал Трясогузка, снял его с бочки и дал крепкий подзатыльник.

– Если б взорвался, я б тебе голову открутил!

Цыган смущённо шмыгнул носом, но не обиделся.

– Это всё ваше? – спросил он.

– Нашей армии! – ответил Трясогузка.

– А сколько в армии едоков?

– Дура! – добродушно выругался командир. – Не едоки в армии, а бойцы! Ты третий будешь... Начальник штаба! Накормить бойца Цыгана!..

Пока Цыган пальцами вытаскивал из кастрюли куски варёной колбасы, Трясогузка и Мика пили чай из жестяных банок, по очереди наливая его из чайника, подаренного Николаем. Рядом весело потрескивала печка, сделанная из ведра. Дым шёл прямо в подвал, скапливался у потолка и постепенно уходил в люк.

Рот у Цыгана был занят, а глаза продолжали шарить по мешкам и ящикам.

– Видать, давно не ел! – произнёс Трясогузка, подмигнув Мике.

Цыган прошамкал набитым ртом:

– С позавчера... Как спёр у солдата краюху хлеба, так и всё!

– Спёр? – переспросил Трясогузка.

– Спё-ё-ёр! – хвастливо повторил Цыган.

– Забудь это слово! – вскипел Трясогузка.

– Хорошо! – согласился Цыган. – Это был номер иллюзиониста Брам-Пур-Пура!

– Бестолочь! – прикрикнул Трясогузка. – Клятву не воровать давал?

– Это до клятвы было, – возразил Мика.

Трясогузка немедленно наградил его подзатыльником.

– Не защищай! Пусть запомнит – воровать нам незачем. Еды у нас хватит до самой до коммунии!

– До чего? – не понял Цыган.

– До коммунии!

– А что это такое?

– Коммуния – это... – Трясогузка запнулся, с надеждой посмотрел на Мику. – Сейчас тебе начальник штаба скажет!

И Мике пришлось выручать командира.

– Коммуния – это когда не останется ни одного живого беляка. – Мика мечтательно посмотрел в потолок и продолжал, взволнованно потирая худенькие ручонки: – Тогда Ленин

скажет: «Всё, товарищи! Война закончена! Поезжайте кто куда хочет – хоть на Чёрное море! И ешьте кому что вздумается – хоть ананасы!..» Доктор всегда говорил маме...

На глазах у Мики навернулись слезы.

– Хватит! Ясно! – сердито произнёс Трясогузка. – Понёс про свои ананасы!

Командир не любил, когда вспоминали прошлое.

Цыган-разведчик

Ранним утром Трясогузка выдал всем «сухой паёк» – по три баранки и по куску колбасы и сахару. В свой бездонный карман он дополнительно сунул четверть головки сахару и огласил приказ, который состоял из четырёх пунктов: до вечера в штаб не возвращаться, весь день шнырять по городу, смотреть во все глаза и думать, как бы навредить колчаковцам.

Расходились по одному. Первым влез в люк Цыган. Гитару он оставил в подвале. Выйдя к речке, мальчишка увидел перекинутое с берега на берег бревно. Они переходили здесь вчера. Левее за кустами виднелся старый мостик. Там была дорога. Цыган свернул влево. Холодная роса обжигала босые ноги. Они посинели. Цыган потёр их о штаны, и ноги стали красные, как клешни рака. Теперь холод не чувствовался.

Трясогузка сказал: «Иди и ищи, как навредить колчаковцам». А что искать и где?

Цыган пожалел, что не расспросил командира подробнее. Но счастливый случай подвернулся сам. Когда он вышел на дорогу, сзади раздалось тарахтенье, телеги. Мальчик обернулся. Тощая лошадь тянула длинную, покрытую брезентом повозку. На передке сидел солдат.

Поравнявшись с Цыганом, солдат «пошутил» – огрел его кнутом. От этой «шутки» парнишка вскрикнул и схватился за плечо.

– Будь здоров! – сказал солдат и рассмеялся. – Кланяйся отцу с матерью!

Телега въехала на мост. Как клавиши, заиграли брёвна. На самой середине заднее колесо продавило гнилой настил. Повозка скособочилась и застряла. Лошадь испуганно забилась в оглоблях.

Настала очередь смеяться Цыгану. Он расхохотался от всей души, приговаривая:

– Так тебе и надо! Так тебе и надо!

Солдат соскочил с телеги и схватил коня под уздцы. Успокоив лошадь, он подошёл к провалившемуся колесу и попробовал вытащить повозку. Но поклажа была тяжёлой.

– Чего ржёшь, дуралей! – крикнул солдат Цыгану. – Принеси лучше вагу – махорки дам!

– Сейчас побегу! – насмешливо ответил Цыган и не тронулся с места.

– Лошадь хоть поддержи, чумазый!

Что-то словно подтолкнуло Цыгана.

– Лошадь подержу, – согласился он и с другой стороны телеги подошёл к коню.

Солдат вытащил из-под брезента топор и скрылся в прибрежных кустах. А Цыган одной рукой ласково гладил лошадь по крутому крупу, а другой приоткрыл брезент. В повозке лежали длинные деревянные ящики с винтовками и цинковые коробки с патронами.

Первой плюхнулась в воду цинковая коробка. За ней пошла ко дну винтовка.

Солдат вырубал в кустах вагу и ничего не слышал. Когда он вернулся, Цыган стоял рядом с лошадью. Солдат подсунул палку под заднюю ось и причмокнул. Лошадь дёрнулась вперёд, и повозка съехала с моста.

Колчаковец сел на телегу. Цыган протянул руку:

– Гони обещанное!

И опять взметнулся кнут, но паренёк был настороже – успел отскочить и показал солдату язык.

– Подавись своей махоркой! Нужна она мне!..

Больше за весь день Цыган ничего не узнал и ничего не придумал. Но он надеялся, что винтовка и патроны вполне удовлетворят командира. Цыган решил достать их на обратном пути из речки, чтобы не возвращаться в штаб с пустыми руками.

Под вечер счастье ещё раз улыбнулось пареньку. В сумерки он забрёл в сад, где вчера Мика вёл допрос, сел на ту же скамейку и сжевал последнюю баранку.

Из трактира вылетали томные звуки граммофона и весёлые голоса. Задняя дверь, выходящая в сад, открылась, и здоровенный детина в красной рубахе выволок пьяного офицера. До ближайшей скамейки было далеко. Половой поленился тащиться с такой тяжестью. Он прислонил офицера к дереву.

– Очухайтесь малость, вашбродие!

Цыган с любопытством наблюдал за офицером, который стоял на подгибающихся ногах и елозил затылком по гладкому стволу.

– Человек! – крикнул он. – Ещё штоф! И запомни: на, фронте кабаков нет!.. Штоф, я говорю! Штофушку!

Офицер протянул к трактиру руку и чуть не упал.

Подскочил Цыган.

– Дяденька! Иди на скамейку! – сказал он, обхватив офицера и нащупывая пальцами застёжку кобуры.

Колчаковец бессмысленно уставился на паренька и пробормотал:

– Человек! Не вижу тебя! Что ты такой маленький?... Мельчают люди! Бедная Россия!

Офицер горестно покачал головой и облапил дерево, а Цыган попятился и, прижав к животу опущенный за рубашку револьвер, стрелой вылетел из сада. Теперь можно было не нырять в холодную воду за винтовкой и патронами.

Трясогузка работает

У Трясогузки в тот день никаких интересных происшествий не было. С утра он походил по базару, потом вернулся в штаб, пробыл в нём минут пять и всё остальное время провёл у особняка полковника. Много раз обошёл он вокруг добротного деревянного дома. Окна фасада смотрели на главную улицу. Остальные три стены особняка огораживал забор. Во дворе под высокими старыми тополями стояла избёнка, в которой разместилась кухня. Там готовили еду для полковника.

Трясогузка видел через открытые ворота, как ровно в одиннадцать часов из кухни вышел повар, весь в белом, с большим подносом, уставленным судками и сковородками. Ярко блестя начищенные крышки. Из-под них вырывался парок.

Часовой, дежуривший у крыльца, услужливо открыл дверь.

От сарая к кухне лениво прошагал истопник с вязанкой дров. Из трубы избёнки повалил густой дым. Трясогузка задумчиво смотрел на эту трубу. Голая ветка тополя, нависшая над ней, была чёрной от копоти.

Вернулся повар с пустым подносом. Трясогузка вошёл во двор и догнал его у самой кухни.

– Дяденька, дай поесть!

Повар оглянулся, прищурил холодные глаза.

– Жди – вынесу.

Есть Трясогузке не хотелось. Он и не ожидал, что его угостят чем-нибудь, – спросил просто так, для вида.

Повар вышел из кухни с ковшом и плеснул кипятком. Но Трясогузка успел присесть. Горячая струя воды пролетела над его головой.

– Спасибо! – с угрозой сказал Трясогузка и отбежал к воротам.

Истопник и повар дружно хохотали у кухни.

– А если б попал? – неодобрительно крикнул солдат, стоявший у крыльца.

– У таких шкура дублёная! – ответил повар. – Его и расплавленным оловом не проймёшь! Расплодилось босяков, как поганок осенью!

Трясогузка знал, что в доме живет самый главный в городе колчаковец. Он видел, как с крыльца спустился человек в железнодорожной форме. «Тоже жрал с полковником! – подумал Трясогузка. – Прихлебала!»

Проходя мимо, мужчина пристально посмотрел на беспризорника. И было в этом взгляде что-то такое, отчего Трясогузка смутился. Он засунул руки в карманы и демонстративно отвернулся.

Через час Трясогузка снова увидел того же человека в железнодорожной форме.

Платайс шёл по главной улице. За ним, окружённые солдатами, шли рабочие. Их вели под конвоем в железнодорожное депо.

«Посмотрел, как человек, а сам – пёс колчаковский!» – подумал Трясогузка про мужчину в форме.

Платайс на этот раз не взглянул на беспризорника. Начальник депо шёл с высоко поднятой головой и повелительно покрикивал:

– Быстрей! Быстрей!

Конвоиры прикладами подталкивали рабочих. Никто из посторонних не мог подумать, что вся эта процессия – военная хитрость. План, разработанный большевиками-подпольщиками, начал осуществляться. Рабочие знали, что предстоит им делать.

Во второй половине дня полковнику подали машину. Почти одновременно к особняку подскакал на коне есаул. Благов и полковник встретились у крыльца. О чём докладывал есаул, Трясогузка не расслышал. Зато гневные слова полковника долетели до него.

– Головорезы из вашей команды начинают меня раздражать! – гремел за забором властный голос. – Декоративно обставленные расстрелы – это далеко не всё, чем следует заниматься контрразведке!.. Что вы лепечете про каких-то заложников? Где преступники? Где эта птичья армия?

Трясогузка чуть не запрыгал от радости. Он понял, про какую армию спрашивал полковник. Значит, его армия уже признана врагами как боевая сила! Чтобы услышать это признание, стоило дежурить у особняка.

Полковник уехал. Есаул остался у крыльца. Он нервно похлопывал кнутом по начищенному сапогу.

В это время во двор вошёл Николай. На плече он нёс большой, только что вылуженный котёл. Посудина была тяжёлая. Николай хромал больше обычного и смотрел под ноги, чтобы не споткнуться.

Трясогузка и есаул – оба узнали его.

– Принимай добро! – крикнул Николай, подойдя к кухне.

Вышел истопник, помог снять с плеча котёл. Николай, отдуваясь, присел на скамейку под окном. Повар вынес ему сковороду с двумя котлетами.

Кондрат Васильевич и Николай давно обслуживали кухню полковника. Это было выгодно: иногда удавалось раздобыть ценные сведения. Николай всегда стремился подольше задержаться на кухне и охотно вступал в разговор.

– Хороши котлетки! – похвалил он, облизывая пальцы.

Польщённый повар пренебрежительно махнул рукой.

– Пустяки!.. Дня через три буду готовить обед на двенадцать персон. Вот там искусство будет! Ты только с остальной посудой поторопись!

– Завтра всё принесу, – ответил Николай. – А что за праздник будет?

– Гости! – шепнул повар.

Николаю очень хотелось поговорить ещё, но он уже заметил, что есаул наблюдает за ним. Чтобы не вызвать подозрений, Николай распрощался и вышел за ворота. За углом забора он столкнулся с поджидавшим его Трясогузкой.

– Знал бы – и чайник твой паршивый не взял! – сердито сказал мальчишка.

– За что такая немилость? – усмехнулся Николай.

– Вокруг полковника увиваешься? Шкура продажная!

– Откуда ты знаешь, что тут полковник?

– Я всё знаю!

– А беспризорничаешь давно?

– С потопы!

– Ну, а звать как?

– Тр... – чуть не проговорился Трясогузка и быстро поправился: – Трофим!

Мальчишка рассвирепел – надо же так оплошать! Всю свою злость он обрушил на Николая.

– Котлетки лопаешь? Чтоб кишки у тебя завернулись от них! Лизоблюд!

Выпалив это, Трясогузка убежал. Николай пошёл домой. А есаул перешагнул высокий порог кухни.

– Часто этот хлопоногий бывает у тебя? – спросил он у повара. – Что-то не нравится мне он!

Повар угодливо улыбнулся.

– А кому он понравится – убогий! Но вы, господин есаул, оставьте его пока в покое. Починит всю посуду, тогда хоть на столб его – вместо фонаря!

У есаула не было причин подозревать Николая. Но Благов был злопамятен и упрям. Барон Бергер помешал ему обыскать мастерскую жестянщика. Этого было достаточно, чтобы есаул возненавидел и барона, и всех, кто присутствовал при разговоре. Благов искал повод, чтобы отомстить если не самому Бергеру, то хотя бы тем, кого он взял под защиту.

– Сообщи мне, когда он отдаст твои ложки-поварёшки! – сказал есаул, уходя из кухни.

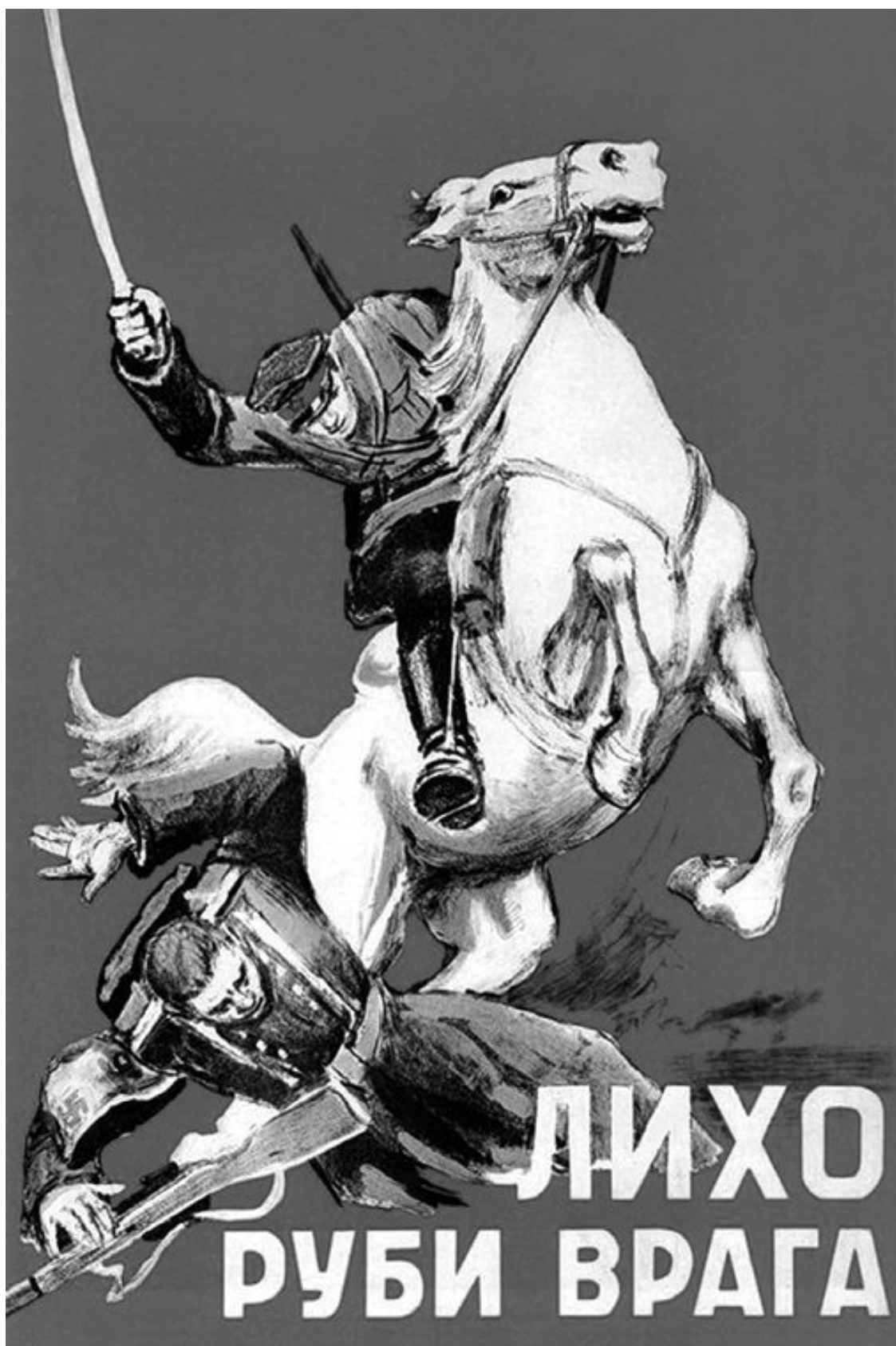
– Будет исполнено! – ответил повар.

Мика в засаде

Мика не был ни таким ловким, как Цыган, ни таким дерзким, как Трясогузка. У Мики было другое преимущество. Хилый, с бледным лицом и умными, всегда печальными глазами, он мог появляться там, где Трясогузке и Цыгану обязательно надавали бы по шее. Рука не подымалась на этого малыша. Зачем его бить или гнать? Он ничего не украдёт: сразу видно – не воришка. И вообще какой вред может принести обездоленный застенчивый мальчуган?

Помахивая непомерно широкими обрубленными рукавами, Мика с утра пробрался к дому, к которому никто из жителей города по доброй воле не подходил.

Контрразведка уже работала. За высоким глухим забором шла перекличка арестованных. За вчерашний день их накопилось одиннадцать человек. Никто из них, конечно, не знал ни об армии Трясогузки, ни о причинах крушения поезда. И батиста у них не нашли. Одних арестовали, потому что они долго не впускали солдат в квартиру или мешали проводить обыск, другие просто не понравились есаулу. Арестованных заперли в сарай, объявили их заложниками и не давали ни пить ни есть. Сарай был маленький: не только лежать, даже сидеть – и то тесно. Утром заложников вывели во двор на перекличку.

Мика сидел на брёвнах напротив дома контрразведки и будто дремал, зябко упрятав нос в грязный мех жилетки. Но он всё видел и слышал.

– Соколова! – выкрикнул за забором унтер-офицер.

– Здесь, – ответил дрожащий женский голос. – Пить дайте! Люди вы или звери?

– Петров!

– Ну, я! Чёрт бы вас побрал!

Послышался звонкий удар. Мика съёжился ещё больше.

– Савостин! – продолжал переключку унтер.

Мика не знал, сколько придётся сидеть на брёвнах и будет ли от этого какой-нибудь толк. Он вспомнил, как в такой же внешне обычный дом, только в другом городке, увели отца. Мика двое суток продежурил у ворот и видел, как на рассвете вывезли на телегах избитых и окровавленных заключённых. Он понял: на расстрел. На второй телеге, лицом вниз, с закрученными за спину руками, лежал отец. Это была их последняя встреча.

Прошло полгода, но Мика, услышав ненавистное слово «контрразведка», всё ещё чувствовал озноб. Бессильная и потому тоскливая злоба охватывала его, а ноги сами тащили туда, где было гнездо колчаковских палачей.

Закончив переключку, унтер-офицер повысил и без того громкий голос:

– Есть и пить не получите, пока не будут пойманы виновники аварии на железной дороге!

В ответ раздался ропот, но унтер скомандовал:

– Увести их!

До Мики не сразу дошёл смысл сказанного унтер-офицером. Лишь через несколько минут мальчишка догадался, что речь шла о составе, который наехал на костыль и свалился под откос. На сердце у Мики потеплело. Это было началом расплаты за отца. Но другая мысль заставила Мику насторожиться. Из-за этого крушения арестовали ни в чём не повинных людей! Он не выдал своего волнения – сидел, как и раньше, уткнув нос в жилетку, словно спал.

Часовой, ходивший у дома, уже несколько раз поглядывал на беспризорника и наконец окликнул его:

– Эй, пацан!

Мика не шелохнулся.

Часовой подошёл поближе.

– Эй, ты!.. Живой?

Мальчишка сидел на нижнем бревне, упёршись локтями в колени. Голова опущена на руки. Груда брёвен отгораживала его от холодного ветра. Слабо, но всё же пригревало неяркое солнце. Мальчишка спал. Тоненькая синяя жилка пульсировала на виске. Она вызывала жалость.

Солдат поскоблил дулом винтовки небритый подбородок, и Мика услышал, как он говорил вполголоса:

– Спи, леший с тобой!

Часовой вернулся на место, а Мика продолжал сидеть. Выдержка у него была железная. Он мог не шевельнуться хоть до вечера. Но этого не потребовалось. Вскоре прискакал есаул Благов и приказал освободить сарай для новой группы арестованных. Заложников выгнали на улицу и повели к станции.

Мика выждал несколько минут и медленно побрёл в ту же сторону. Свернув за угол, он побежал и догнал заложников. Под конвоем шли две пожилые женщины и девять мужчин.

Это были люди, которые попали в беду из-за Мики и Трясогузки. А сколько ещё безвинных людей заберут колчаковцы? Какая же это месть за отца, если могут погибнуть матери и отцы других ребятишек? И главное – нельзя исправить ошибку! Если даже пойти и признаться, что это они с Трясогузкой положили костыль на рельсу, то и тогда ничего не изменится. Колчаковцы редко выпускают тех, кто попал к ним в лапы.

Заложников привели к пустому пакгаузу – кирпичному строению складского типа с железной дверью. Напротив стоял грузовой состав. Мика залез под вагон и видел, как захлопнулась за арестованными тяжёлая дверь. Старший конвоир задвинул засов, навесил большой замок, закрыл его, ключ передал остающемуся на посту солдату и приказал:

– Не выводить ни по какой надобности! Пусть там... Перед расстрелом заставим почистить.

Конвоиры ушли.

Мика пролежал под вагоном больше часа. Столько же просидел он в кустах сзади пакгауза, разглядывая кирпичную стену с единственным окошком под самой крышей. Но и это небольшое окошко было забрано толстыми прутьями, между которыми не просунешь и голову. «А зачем совать голову?» – подумал Мика и улыбнулся.

Кусты зашуршали. Это Мика торопливо пополз прочь от пакгауза.

Оперативное совещание

Первым докладывал о результатах дневной разведки Цыган. Он был краток: выложил на ящик револьвер.

– Есть ещё винтовка и патроны – у моста спрятал!

Глаза у Трясогузки и Мики заблестели. До этого момента всё вооружение армии состояло из топора и перочинного ножа. Но командир постарался скрыть свой восторг. Он сдержанно спросил:

– Где взял?

– Где! – ухмыльнулся Цыган. – Спёр! – по привычке сказал он.

Сказал и отскочил от Трясогузки, вспомнив вчерашний подзатыльник. Но командир даже не замахнулся.

– Спёр! – насмешливо повторил он. – Серый ты человек, Цыган!. Мика, как это называется?

Мика задумался.

– Либо конфискация, либо экспроприация.

– Во! – подтвердил Трясогузка и, чтобы не повторять незнакомые трудные слова, сказал Цыгану: – Выбирай любое!

– Первое тогда! – пробормотал Цыган.

– Какое это первое? – грозно спросил командир.

– Ну... это... фиксация, что ли?

– То-то! – удовлетворённо произнёс Трясогузка. – Вот и запомни! А то – спёр! Я тебе дам – спёр!.. Молодец! Получай за это! – И командир вытащил из-под ящика пару изрядно поношенных ботинок. – Обменял на сахар.

Цыган не ожидал такого подарка и стал растерянно пихать грязные ноги в ботинки.

– Обожди! – Трясогузка порылся в бездонных карманах френча и вытащил два дырявых шерстяных носка. – Надевай!.. А ты докладывай, Мика!

В трудное положение попал Мика. О чём мог он рассказать? Цыган раздобыл оружие, а Мика всего-навсего узнал, что арестованы невинные люди. Он придумал, как им помочь, но для этого надо было получить согласие Трясогузки. И тут Мика допустил ошибку. Чтобы разжалобить командира, он несколько раз повторил, что заложников морят голодом и, наверно, расстреляют из-за того поезда, который они с Трясогузкой пустили под откос.

Командир слушал, слушал и вдруг спросил:

– Если б они сами устроили крушение и попались, тогда б ты не ныл?

– Тоже было бы жалко, – ответил Мика. – Но они бы хоть дело сделали!

– А почему ж они не сделали это дело? – возмутился Трясогузка. – Струсили?... Выходит, по-твоему, мы тоже не должны ничего делать, чтобы этих трусов никто не тронул? Может, прикажешь распустить армию?

Трясогузка горячился потому, что и сам почувствовал за собой какую-то вину, но тона не сбавлял.

– Хватит нюни распускать! Ещё начальник штаба называется!

Мягкий по натуре, готовый идти на уступки, Мика иногда становился каменным. И тогда он ни на шаг не отступал от своего. Так было и в этот раз. Он будто не слышал запальчивых слов командира и сказал убеждённо и твердо:

– Помочь надо.

– Как? – быстро отозвался Трясогузка.

– Надо отнести им еду и питьё. Там окошко есть.

– Выдумал ещё! – воскликнул Цыган. – Нашу еду раздавать!

– Я свою порцию носить буду.

– Чумовой! – выругался Цыган. – Да за еду!.. – Он окинул взглядом мешки и ящики с продовольствием и вытянул руки, словно хотел обхватить это всё и прижать к себе. – За еду вот так держаться надо!

Трясогузка ударил его по рукам.

– Убери лапы, загребала!

Мика и Цыган выжидательно уставились на командира.

– Кормить будем! – объявил своё решение Трясогузка. – Но и работать заставим!

Никто в армии не догадался, какую работу придумал командир для заложников. А пока работать пришлось самим ребятам. Мика получил задание уложить в мешок продовольствие. Он остался в штабе. Цыган с Трясогузкой взяли десяток пустых бутылок из-под вина и пошли к реке.

Было тихо и так темно, что мальчишки не сразу попали к берегу. Только журчание воды помогло им выбраться из кустов. А дальше дорога напрямик привела их к мосту.

– Где винтовка? – шёпотом спросил Трясогузка.

– В воде... И патроны там, – ответил Цыган и лязгнул зубами, предчувствуя, что сейчас ему придётся купаться. – Неужели полезем?

– Нет, подождём! – усмехнулся Трясогузка. – Всплывают только утопленники, да и то не всегда!.. Положи бутылки и раздевайся!

Цыгана охватила дрожь.

– Б-р-р! – вырвалось у него, когда он нагнулся и снял ботинки.

– Х-х-х! – услышал Трясогузка, когда Цыган стянул с плеч рубашку.

– Прекрати! – сердито сказал командир.

– Н-не я... С-само!.. Это опасная пантомима!

– Гогочка какая! – прикрикнул командир и, помолчав, добавил: – Одевайся!

Трясогузка сам сбросил одежду, вошёл в воду по колено, спросил:

– Здесь?

– Поглубже! – ответил Цыган с берега.

Трясогузка сделал ещё несколько шагов. Вода дошла до пояса.

– Ещё немножко! – сказал Цыган.

Над водой остались плечи и голова командира.

– Тут вроде! – произнёс Цыган.

– Не мог уж поближе к берегу бросить! – прошипел Трясогузка и, вдохнув воздух, без всплеска погрузился в воду с головой...

* * *

Мика был удивлён, когда на кучу соломы из люка упали цинковая коробка с патронами и винтовка. Появился Трясогузка с мокрой головой и синими губами. Он принял от Цыгана бутылки с водой, поставил их к стене, уселся у печки и выдавил из себя:

– П-пороху!

Цыган бросился к бочкам, принёс две пригоршни пороху и осторожно, по щепотке, стал сыпать на угли. Подвал озарился яркими вспышками и наполнился запахом пороховой гари.

Ведро раскалилось докрасна. Губы у Трясогузки порозовели.

– Я бы сам полез, да он не дал! – объяснил Цыган Мике.

– Холеру какую-нибудь подхватил бы – потом возись с тобой, – сказал Трясогузка. – Тебе ещё будет работа сегодня. Гитара в порядке?

– В порядке!

– А у тебя, Мика, всё готово?

– Флажки остались.

– Пиши скорей!

Мика разложил на ящичке заранее приготовленные куски батиста и спросил у командира:

– Три?

– Зачем это? – удивился Цыган.

– Нас трое стало, – ответил Трясогузка.

– А если десять будет или сто?

Вопрос заставил командира задуматься.

– Да и к чему они? – продолжал Цыган. – С этими тряпками только попадёшься!

– Ты что ж, против знамён? – строго спросил командир. – Нет знамени – нет и армии!

Когда Мика сделал надпись на одном флажке и взялся за второй, Трясогузка неохотно добавил:

– Сегодня одного хватит, а потом посмотрим...

Ночной концерт

Эшелон отправлялся на фронт. По этому случаю солдатам выдали по стакану водки. Но она не подняла настроения. Если и смеялись, то невесело. В шутках слышалась тревога. Ходили слухи, что Красная Армия готовится к большому наступлению. Потому и подтягивались к фронту новые белогвардейские части. И никакой хмель не мог вытеснить из головы мысль о предстоящих боях. С завистью смотрели солдаты на дежурившего у пакгауза часового: он оставался в городе.

Погрузка закончилась. Ждали, когда подадут паровоз. От нечего делать дымили длинными самокрутками. Солдаты, свесив ноги, сидели в дверях вагонов, лениво перебрасывались словами.

И вдруг задорно и весело затренькала гитара. Рядом с пакгаузом стоял Цыган. Гитара порхала в его руках. Он кружил ею над головой, перебрасывал за спиной из руки в руку, протаскивал под коленом и успевал щипать за струны. Гитара пела не умолкая.

Закончив короткий номер, рассчитанный на то, чтобы привлечь внимание, Цыган театрально раскланялся.

– Убирайся отсюда! – сказал часовой, карауливший заложников.

– А тебе что, жалко? – закричал солдат из вагона. – Пусть поиграет!

– Не положено! – ответил часовой. – Здесь заключённые.

– Какой законник! – зло усмехнулся солдат.

Его поддержали многие. Часовому кричали:

– Заткнись, тыловая крыса!

– Он сменится и дрыхать пойдёт, а мы – в окопы!..

– Играй, хлопец!

– Мы, может, кроме пуль, ничего и не услышим больше!

Часовой махнул рукой. Спорить было опасно. Подвыпившие, обозлённые солдаты могли расправиться с ним. Что им терять? Дальше фронта их не отправят.

Цыган снова ударил по струнам. На этот раз он то подскакивал, разбросив ноги в стороны, то присаживался и на пятках ходил по кругу, то начинал кружиться волчком.

Солдаты столпились вокруг паренька. Часовой подошёл поближе.

В это время Мика и Трясогузка подкрались к задней стенке пакгауза. Мика забрался командиру на плечи, привстал на цыпочки, дотянулся до оконной решётки и шепнул:

– Достал.

Трясогузка вытащил из мешка кусок сахара, подал его Мике. Кусок исчез в темноте за прутьями решётки. Мика услышал негромкий удар – сахар упал на пол. В пакгаузе завозились. Послышались приглушённые голоса.

Трясогузка подал связку баранок. Мика и её просунул за решётку. А когда он пропихивал между прутьев твёрдую копчёную колбасу, его пальцы встретились с чужими пальцами. Заложник и Мика не видели друг друга и не произнесли ни слова, но работа пошла быстрее. Теперь можно было передавать и бутылки с водой, и оружие. Мужские руки за решёткой ловительно подхватывали всё, что просовывал Мика.

А Цыган всё плясал. Пот заливал ему глаза. Гитара стала тяжёлой. Но он не мог позволить себе передышку. Так он ещё не плясал никогда. Ему не хватало воздуха. В глазах рябило. Лица солдат слились в плотную колышущуюся массу. Ноги подкосились, и очередного колена не получилось: Цыган шлёпнулся на землю.

Вокруг захохотали.

– Выдохся всё-таки! – произнёс кто-то.

– Двужильный парень! – сказал часовой. – Я думал, ему и конца не будет!

Солдаты стали расходиться. Этого и боялся Цыган. Он попытался встать, но ноги не слушались. Тогда он запел старую таборную песню. Отчаянье придало его голосу волнующую искренность. Солдаты снова столпились вокруг сидящего на земле беспризорника.

Голос у Цыгана был звонкий. Трясогузка и Мика слышали его.

– Здорово старается! – шепнул снизу командир.

Мика не ответил. Цинковая коробка с патронами никак не хотела пролезать между прутьев решётки. Мика напрягся, как мог, и почувствовал, что оттоптанные его ногами плечи Трясогузки задрожали. Но командир крепился.

– Жми – не бойся! – подбодрил он начальника штаба.

Изнутри пакгауза коробку тоже тянули изо всех сил. Царапая цинковые бока, она, наконец, со скрежетом пролезла.

Винтовка и револьвер были уже в пакгаузе. Осталось передать флажок. Мика сунул в окно скомканный кусок батиста, пожал пальцы невидимого заложника и спрыгнул на землю.

– Фу-у-у! – с облегчением выдохнул командир. – Маленький, а тяжёлый!.. Побежали, а то Цыган охрипнет совсем!

Заканчивая песню, Цыган потихоньку двигал ногами – пробовал, сможет ли снова плясать. «И что они там возятся?» – думал он о друзьях. А они уже подходили к задним рядам солдат.

Их заметили.

– Новые артисты прибыли! – шутливо крикнул кто-то.

Толпа расступилась. Цыган увидел командира и радостно вскочил на ноги.

– Кончай музыку! – приказал Трясогузка. – Зрителей просим раскошелиться!

Цыган сдёрнул с головы шапку и, приплясывая, пошёл по кругу. Гудок приближающегося паровоза прервал эту сцену.

– По ваго-онам! – раздалась команда.

– За мной! – в свою очередь, скомандовал Трясогузка.

План командира

На следующий день вся армия отдыхала и готовилась к ночной операции, которую командир держал в секрете. Мальчишки не знали, зачем он заставил их увязывать порох в небольшие узелки. Мика разрывал батист на квадратные куски. Цыган насыпал порох и крест-накрест завязывал углы. А сам командир ушёл в город.

Трясогузка направился прямо к пакгаузу. Он ожидал увидеть приятнейшую картину: двери пакгауза распахнуты настежь, вокруг валяются десятки убитых колчаковцев, а заложников и след простыл. Но ему пришлось огорчиться. Часовой по-прежнему шагал по площадке перед пакгаузом. Железная дверь была плотно закрыта. Большой замок висел на старом месте.

Мальчишка присел в сторонке и обиженно нахмурился. Что помешало заложникам освободиться?

Винтовка и револьвер – такая сила! Можно сделать чудеса! А тут прошла целая ночь – и ничего! «Труссы!» – выругался Трясогузка, но вскоре понял, что заложники не виноваты: чтобы достать патроны, надо разрезать цинковую коробку. А чем это сделать? Заложников, конечно, обыскали, и никаких ножей у них не осталось. Значит, винтовка бесполезна. Но зато в револьвере есть патроны, а над дверью в пакгаузе имеется окошко – такое же, как и в задней стене. Можно встать на плечи друг другу и выстрелить в часового. А что дальше? Дверь изнутри не открыть, кирпичные стены голыми руками не проломишь. На выстрел прибегут другие колчаковцы, отнимут оружие и поставят нового часового.

Трясогузка ударил кулаком по колену, обозвал себя олухом и пошёл обратно в штаб.

Ребята сразу почувствовали, что командир не в духе. Он хмуро осмотрел груды узелков с порохом, подошёл к Мике, который усердно выводил на флажке кавычки перед словом «Трясогузка».

– Зачем ты малюешь этих головастика? – обрушился на него командир.

– Как зачем? – с робким удивлением спросил начальник штаба и сам же пояснил: – Без кавычек нельзя. Ты ведь на самом деле не птица.

– Ну и что? – ещё больше обозлился Трясогузка.

– Ты командир!.. А Трясогузка – только прозвище. Потому и кавычки.

– Раз я командир – слушайся! – крикнул Трясогузка. – Ещё раз своих дурацких головастика нарисуешь – всыплю!

Мика промолчал. Он написал слово «Трясогузка» и, когда командир отвернулся, закрыл кавычки. Мика это сделал не из упрямства. Он считал себя правым. Авторитет командира на грамматику не распространялся, потому что Трясогузка не умел ни читать ни писать. Но и сам Мика ещё не знал всех тонкостей правописания. Кавычки казались ему высшим проявлением грамотности.

Выход на задуманную командиром операцию был назначен на полночь. Часов в восемь Мика и Цыган легли спать, а Трясогузка и не вздремнул. Он все думал, как помочь заложникам. В голову лезли самые нелепые мысли. А что, если использовать порох для освобождения заложников? Уложить у стены пакгауза кучу узелков и подорвать? Но кирпичи полетят внутрь, и заложникам не поздоровится от такой помощи! Нет, это не выход!

Трясогузка встал, походил по штабу, пересчитал узелки с порохом, уложил их в два мешка и сыграл армии подъём – три раза ударил ложкой по чайнику.

Цыган и Мика хорошо знали городок. И всё же путь, по которому вёл их сегодня командир, показался совершенно незнакомым. Шли огородами. Раз пять перелезали через заборы. Потом очутились во дворе, под окнами наглухо заколоченного дома. На другой стороне улицы стоял особняк полковника. Темнел забор. Тополя протянули над ним голые ветки. Ребята всё ещё не догадывались, зачем привёл их сюда Трясогузка.

– Видишь самое высокое дерево? – спросил командир у Цыгана.

– Вижу.

– Заберёшься на нижний сук, – приказал Трясогузка. – И тихо – во дворе часовой... Я тебе подам мешки... За забором под деревом – кухня. Увидишь трубу. В неё и сбросишь узелки с порохом...

Дальнейших разъяснений не требовалось: ребята поняли, что произойдёт утром, когда в плите запыхают поленья.

– Только тихо! – ещё раз предупредил командир.

– Канатоходцы умирают молча! – шепнул Цыган.

Ребята перешли улицу. Цыган быстро забрался на дерево. Трясогузка подал ему мешки, флажок и вместе с Микой вернулся во двор заколоченного дома.

Тишина. Лишь откуда-то издали доносились равномерные шаги. Сначала Трясогузка решил, что это ходит часовой у крыльца особняка. Но шаги приближались. Из-за угла вышли двое патрульных.

– Замри! – шепнул Трясогузка Мике.

Двое патрульных прошли под деревом и, обогнув особняк, вернулись на главную улицу. С тополя по-прежнему не доносилось ни звука.

– Мика! На каком это он языке шпарит? – спросил Трясогузка.

– Кто?

– Да Цыган!.. Иллюзион... Потом эта... панамима...

– Пантомима! – поправил командира Мика. – Это в цирке так говорят.

– Ругаются?

– Нет! Слова хорошие!.. Ты что, в цирке не бывал?

– Ладно, замолчи!..

Прошло минут десять. Под деревом мелькнула какая-то фигура. Но это был не Цыган – повыше, постройней. Похоже – девушка. Она постояла у забора, а когда отошла, мальчишки заметили на досках белое пятно.

– Кто это? – спросил Мика.

– Не Цыган! – ответил Трясогузка.

А девушка пропала, будто и не было ее никогда. Только белое пятно на заборе доказывало, что ребятам не почудилось.

Прошло ещё несколько томительных минут.

Трясогузка уже хотел перебежать улицу, как появился Цыган. Он свесился с нижнего сука, прыгнул на землю и заслонил на мгновение белое пятно.

Перебежав улицу, он предстал перед командиром. Его можно было не спрашивать ни о чём: Цыган широко улыбался и победно потряхивал пустыми мешками.

– Ну и долбанёт! – сказал он. – Феерический каскад индусского факира!

– А флаг? – спросил Трясогузка.

– Туда же – в трубу опустил!.. Смотрите, что ещё я принёс! – Цыган показал влажный от клея листок бумаги. – Женщина к забору пришлёпнула.

Трясогузка взял листок, на котором было что-то напечатано, и передал Мике.

– В штабе разберёмся!..

Бунт

Весело потрескивала печка. Толстая стеариновая свеча стояла на большом ящике, вокруг которого сидела вся армия. Мика читал снятый с забора листок.

– «Трудовая Сибирь обливается кровью. Но чаша народного терпения переполнилась. Дни Колчака сочтены! Над белогвардейцами занесён карающий меч пролетариата.

Приближается первомайский праздник. Большевики-ленинцы призывают всех, кому дороги завоевания революции, отдать свои силы на борьбу с кровавой диктатурой «омского правителя».

Мика придвинул листовку к Трясогузке и сказал:

– Вот они – кавычки! А ты спорил!

– Где?

– Омский правитель в кавычках, потому что никакой он не правитель, как и ты – не птица трясогузка!

– Ты что, меня с Колчаком равняешь?

Трясогузка вскочил от возмущения и больно ударился коленом об угол ящика. Свеча упала и погасла.

– Да я тебя!.. – зло закричал он.

– Бей! Я всё равно по правилам писать буду! – тоже закричал Мика.

Наступила тишина. Лишь потрескивала печка. Причудливые отсветы огня прыгали по стенам и потолку подвала.

– Это что же, бунт? – не предвещающим добра голосом спросил Трясогузка. – Против командира?

– Не против командира, а против кулаков! – смело ответил Мика.

– А чем вас учить, как не кулаками?

– Учить? – переспросил Мика. – Ты бы хоть азбуку осилил, а уж потом других учил!

Начальник штаба затронул самое болезненное место командира. Трясогузка стеснялся своей неграмотности. Когда ему напоминали об этом, он не обижался, а искренне сожалел, что не умел читать и писать.

– А ты взял бы да научил меня! – без прежней угрозы сказал Трясогузка.

– Я и учил! – отозвался Мика.

Он действительно несколько раз повторил с Трясогузкой все буквы от а до я, но командир запомнил одни гласные.

– Плохо, значит, учил! – буркнул Трясогузка.

– Как умел! – ответил Мика. – Не по-твоему!

– Мог бы и по-моему! Оно бы, может, лучше было!

– Так давай! – воскликнул Мика. – Цыган, зажги свечу!

Вспыхнул огонёк. Не ожидавший такого поворота командир испытующе посмотрел на Мику – шутит или не шутит. Начальник штаба был серьёзен.

– Садись! – сказал он Трясогузке и встал рядом с ним. – Повторяй за мной: а, б, в, г, д.

– А-а, бе, – начал Трясогузка:

– Ты не коза, блеять не надо! – нравоучительно произнёс Мика и дал командиру подзатыльник.

Удар был слабый. Но и это чисто символическое наказание подействовало на Трясогузку ошеломляюще.

Цыган отбежал в дальний угол, зарылся в солому, заткнул рот шапкой и трясся от беззвучного смеха.

– Повторяй по пять букв! – снова потребовал Мика. – А, б, в, г, д.

На этот раз Трясогузка произнёс все пять букв правильно. Так ученик и учитель благополучно добрались до буквы р. Тут опять командир ошибся.

– Ры, – произнёс он.

Слушать надо, а не рыкать! – сказал Мика и дал Трясогузке затрещину.

Цыгана прорвало. Он катался по соломе и хохотал на весь штаб.

Трясогузка медленно поднялся и сверху вниз глянул на маленького, тщедушного начальника штаба – сейчас раздавит! Но Мика, не дрогнув, выдержал его взгляд.

Цыган перестал хохотать. Было не до смеха – могла начаться настоящая драка. «Если ударит, – подумал он, – буду защищать Мику!»

Трясогузка быстро вскипал, быстро и успокаивался. Урок не кончился дракой. Командир отступил, но с честью.

– Некогда сейчас азбукой заниматься! – сказал он. – Доучим в другой раз... Спать ложитесь!

Он улёгся первый.

Гроза миновала, но след оставила. В штабе стало как-то тоскливо. Каждый чувствовал себя виноватым. Даже Цыган. «И зачем я ржал, как лошадь! – думал он. – Из-за меня они поссорились ещё больше!» Переживал и Мика. Чуткий и отзывчивый, он не мог не понять, что крепко обидел командира. Когда Мика получал подзатыльник – это было очень неприятно. А каково командиру? Да ещё в присутствии всей армии? И за что? За то, что командир не знает азбуки! Тут можно провалиться сквозь землю!

Молча сидели Цыган и Мика у ящика со свечой и переглядывались. «Помириться бы! – говорили их глаза. – Не так уж плох наш командир, чтобы устраивать бунт!»

Цыган вспомнил ботинки, которые выдал ему Трясогузка. А Мика – шелковую рубашку. Трясогузка не взял её себе! И только ли в рубашке дело?...

– Эй! Начальник штаба! – грубовато произнёс Трясогузка.

– Да! – с готовностью откликнулся Мика, и ему показалось, что в подвале потеплело и посветлело.

– Ну-ка, разъясни! – продолжал командир. – Там, в листовке, есть два слова: большевики и ленинцы. А мы кто – ленинцы или большевики?

– Конечно, ленинцы!.. Нас всего трое; когда станет больше, будем большевиками!

– Почему трое? – возразил Трясогузка. – А кто эту листовку приклеил? Значит, нас больше, только мы не знаем всех, кто за красных стоит. Может, нас в городе тысяча!

– Правильно! – поддержал командира Цыган. – Выходит, мы и ленинцы и большевики!

– Я тоже так думаю! – важно сказал Трясогузка. – И ещё ответ... Там про праздник написано. Когда он будет?

– Первого мая, – уверенно произнёс Мика.

– Это я сам знаю! А первое когда будет?

– Сейчас скажу! – Мика подумал и сам задал вопрос: – Какое сегодня число?

– Знал бы, – тебя не спрашивал. Считать я умею!

Цыган тоже не помнил, какое было число.

– Узнать завтра! – приказал Трясогузка. – Надо к празднику что-нибудь сообразить!

Переполох

Машина полковника шла медленно. Ухабистая дорога не позволяла развить скорость. В автомобиле, кроме шофёра и полковника, сидели три иностранца. Это были члены военной миссии.

Прибытие французских офицеров в городок решено было отметить банкетом. К девяти часам утра в особняке полковника готовился праздничный завтрак.

По дороге полковник говорил много. Он хотел, чтобы французы составили о гарнизоне городка самое благоприятное мнение. Упомянул он и о бронепоезде, который ремонтируется в депо и вот-вот встанет в строй боевых единиц адмирала Колчака.

– Не к вам ли прислали из Омска барона Бергера? – спросил один из членов миссии – толстый, обрюзгший, похожий на русского купца француз.

– Барон Бергер и руководит ремонтом бронепоезда. Прекрасный специалист и организатор! – воскликнул полковник. – Вы с ним знакомы?

Как же! – ответил француз. – Барон – мой Друг. В тринадцатом году в золотой Ницце мы вместе провели чудесное лето! И представьте – месяц назад я встречаюсь с ним в каком-то Омске!.. О, времена!.. Рад буду видеть его на банкете!

– Барон Бергер приглашён! – сказал полковник и поторопил шофёра: – Поезжай, братец, быстрее! Мы все проголодались!

Но полковнику и членам миссии в то утро позавтракать не удалось.

Получив приказ – накрыть банкетный стол к девяти часам, повар встал в семь и велел затопить плиту. Истопник принёс дрова, вытащил из духовки высохшую за ночь лучину, добавил бересты и зажёл.

Кухня наполнилась дымом.

Повар длинным ножом плашмя хлопнул истопника по спине.

– Вьюшки забыл, орясина рыжая!

– Не забыл! – пробормотал истопник и, присев перед топкой на корточки, принялся дуть на тлеющую лучину.

Но дрова не загорались. Дым клубами выбрасывало из плиты.

Пнув истопника ногой, повар выскочил из кухни и со двора крикнул в дверь, из которой, как из вулкана, валил дым:

– Чучело огородное! Смени дрова! Напихал сырых поленьев, скотина!

Истопник вышел, отдышался и опять, как в воду, бросился в задымлённую кухню. Вернулся он с охапкой обугленных поленьев, свалил их у забора и пошёл за другими дровами.

Повар снаружи открыл окно. Сквозняк быстро проветрил кухню.

Между тем к особняку уже стали собираться приглашённые на банкет. Грузный унтер-офицер привёл музыкантскую команду, выстроил у крыльца и приказал не расходиться.

Обмениваясь шутками, все смотрели на кухню.

Сухие дрова не помогли. Дым шёл не только из окна и двери – он выбивался, казалось, из каждой щели. Слышались отчаянные вопли повара:

– Зарезал! Зарезал, скотина!.. Чем я господ офицеров угощать буду?... Керосин! Неси керосину, пёс шелудивый!

Из дымной кухонной утробы вывалился совершенно очумевший истопник, побежал к сараю и притащил оттуда бутыл.

Во двор въехал на коне есаул Благов. Спешившись, он козырнул с чуть приметной снисходительностью. Офицеры приветствовали его почтительно. Лишь начальник железнодорожного депо еле кивнул ему головой. У есаула взиграли желваки на скулах. Опять этот барон испортил ему настроение.

– Похоже, что мы пришли не на банкет, а на пожар! – шутливо заметил один из офицеров. Из кухни валил уже не дым, а чёрная керосиновая копоть.

Есаул пересёк двор, заглянул в дверь и позвал:

– Адский повар!

Показался повар в грязном колпаке, всплеснул руками:

– Ваше благородие! Беда... Что скажет господин полковник!

– Это уж твоя забота! – ответил есаул. – Тот хлопоногий всю посуду тебе перечинил?

Повар не ответил. Его глаза испуганно округлились. Они глядели куда-то за есаула. Благгов обернулся. В ворота въезжала машина полковника.

– Конец! – прошептал повар.

Есаул вытянулся. Офицеры, стоявшие у крыльца, вскинули руки к козырькам. Французы были встревожены дымом. Полковник говорил им что-то успокаивающее.

Машина остановилась у крыльца. Музыкантская команда заиграла французский гимн.

В эту торжественную минуту грохнул взрыв. Передняя стена кухни рухнула. Треснула и повалилась на крышу труба. Половину двора окутало дымом.

– Партизаны! – закричал француз, похожий на купца, и забарабанил кулаками по спине шофёра.

Автомобиль круто развернулся и помчался к воротам. Колёса переехали отброшенную взрывом папаху есаула. Правым крылом машина задела за столб и под скрежет железа вырвалась на улицу.

Полковник пришёл, наконец, в себя.

– Стой! – скомандовал он шофёру.

Автомобиль остановился.

Французы хором запротестовали:

– Почему стоять?... Вперёд! Вперёд!

– Господа! Это какое-то недоразумение! – пытался успокоить их полковник. – Никаких партизан не может быть! Всё выяснится, и вы поймёте!

– Мы понимаем! – прервал его похожий на купца француз. – Мы очень хорошо вас понимаем! Вам нужно остаться! Вы обязаны! А мы приедем, когда вы наведёте у себя порядок!.. Надеюсь, вы не откажете нам в машине?

Французы уехали, а полковник пешком вернулся к особняку.

Тушением пожара руководил начальник железнодорожного депо. Огонь был слабый – горели разбросанные по двору поленья, пропитанные керосином. Брёвна рухнувшей стены пламя охватить не успело. Внутри кухни всё было разворочено и закидано раздробленным кирпичом. Тлели головешки. От плиты и дымохода остались одни обломки.

– Опасность ликвидирована! – доложил начальник депо полковнику. – Убито два человека: повар и... – Платайс скорбно снял фуражку, – есаул Благгов.

– Причина? Я спрашиваю, какова причина взрыва? – прокричал полковник, но тут же смягчил голос: – Простите! Это вырвалось невольно!.. Позор! На всю армию позор!.. Только один бог знает, что наболтают адмиралу Колчаку трусливые французишки!

– Причина взрыва ясна, – спокойно сказал Платайс. – Какие-то злоумышленники заложили в трубу пороховой фугас.

Среди колчаковцев, продолжавших заливать водой тлеющие тряпки и головешки, произошёл замешательство. К полковнику подбежал адъютант с обгоревшим куском батиста. На нём ещё виднелись четыре буквы – у з к и.

– Опять армия Трясогузки? – произнёс полковник и побагровел.

Удивлённо пожал плечами Платайс.

Подготовка контрудара

После невкусного обеда, принесённого денщиком из трактира, полковник сел писать донесение. Он решил сделать это сам, чтобы по возможности смягчить неприятное происшествие.

Вошёл адъютант с полоской телеграфной ленты. Полковник поморщился, давая понять, что с депешей можно было подождать.

– Подписано адмиралом, господин полковник! – предупредил адъютант.

– Ну, давайте! – сказал полковник и взялся за кончик ленты.

Это был приказ в кратчайший срок закончить ремонт бронепоезда и выслать его в распоряжение передовых частей. Ставка сообщала также, что южная группа войск Красной Армии 28 апреля перешла в наступление. Предполагалось, что будет нанесён удар и в направлении городка, в котором располагался гарнизон полковника. Штаб Колчака ставил задачу опередить противника. В этой операции на бронепоезд возлагали большие надежды.

– Машина вернулась? – спросил полковник, прочитав депешу.

– Так точно! – ответил адъютант. – Только что.

– Поедьте в депо!

Автомобиль стоял у ворот. Шофёр колотил молотком по мятому крылу – старался выправить его.

– В депо! – сухо приказал полковник. – Вечером сдашь машину и отправишься на передовую. Мне тусы не нужны!

– Слушаюсь, господин полковник!

Взревел мотор.

На одной из улиц впереди автомобиля показались трое мальчишек. Они шли обнявшись: Трясогузка – в центре, Мика и Цыган – по бокам. Шли и озорно переталкивались. Они только что побывали на крыше заколоченного дома и оттуда видели развороченную кухню. Они чувствовали себя на седьмом небе.

– Кто придумал? – самодовольно спросил Трясогузка.

– Ты! Ты! – прокричала армия.

– То-то! – сказал командир. – А вы – бунтовать!..

Шофёр нажал на клаксон. Мальчишки неохотно посторонились. Цыган, увидев полковника, надул щёки и приложил руку к шапке. Трясогузка заставил его опустить руку и крикнул:

– Дяденька! Какое сегодня число?

Полковник не шевельнул головой. Адъютант брезгливо поджал губы.

– Ну и не надо, не говорите! – неслось им вслед. – Сами узнаем!

У высоких ворот депо полковника и адъютанта встретил Платайс. Коротко передав ему содержание приказа, полковник спросил:

– Успеете завтра к полуночи?

– Завтра тридцатое, – задумчиво произнёс Платайс. – Ну что ж! В ноль-ноль часов первого мая бронепоезд будет готов! Большевистский праздник! – Платайс многозначительно улыбнулся. – Надо успеть!

– Надо! – подтвердил полковник. – Очень надо, и потому разрешите вам помочь. Не считите это вмешательством в ваши дела. Я хочу сказать несколько слов ремонтникам.

– Буду счастлив послушать и сам! – учтиво ответил Платайс.

Рабочих в депо было много. Сюда под конвоем колчаковских солдат привели всех, кого отобрал Кондрат Васильевич. Это были хорошие слесари и верные люди. Им подпольщики доверяли полностью.

Раньше рабочие умышленно затягивали ремонт бронепоезда. А сейчас задание сводилось к одному: как можно скорей поставить грозную машину под пары.

В депо стоял грохот.

– Внимание! – прокричал Платайс. – Прекратить работу!

Шум утих.

– Всем подойти к паровозу!

Когда рабочие собрались, полковник посмотрел на часы.

– Сейчас шестнадцать часов, – громко сказал он. – Даю вам тридцать два часа. Если завтра в полночь бронепоезд выйдет из депо, я скажу вам: молодцы! Если справитесь с работой раньше, дайте гудок. Я приеду, чтобы лично раздать вам по бутылке водки.

Как показалось полковнику, одобрительный шепоток пробежал по толпе.

– И последнее, – продолжал полковник. – Если вы сорвёте ремонт бронепоезда, никто из вас живым из депо не выйдет.

– Выйдем, господин полковник! – крикнул Кондрат Васильевич, который пришёл в депо с последней группой и работал вместе со всеми. – Готовьте водку!

– Хорошо сказано! – одобрительно произнёс полковник. – Водка будет. Приступайте с богом! – И, повернувшись к начальнику, он добавил: – Придётся усилить охрану. Вы не возражаете?

– Ничуть! – ответил Платайс, хотя понимал, как это опасно.

Его тревога усилилась, когда в депо во главе с капитаном вошёл отряд белогвардейцев – команда бронепоезда. Полковник поручил ей внутреннюю охрану. Команда должна принять от рабочих отремонтированный бронепоезд, занять боевые места и прямо из депо выехать на фронт.

У ворот расположились два пулемётных расчёта с «максимами», у дверей и окон выставили часовых. Снаружи депо окружили патрулями. Рабочие оказались взаперти.

Кондрат Васильевич и два слесаря лежали под средним вагоном и проверяли подвеску рессор.

– Кондрат! – сказал один из рабочих. – Ловушка какая-то получается! Может, это настоящий барон, а мы – настоящие бараны?

– Платайс наш! Проверено! – сердито ответил Кондрат Васильевич. – А ловушкой действительно пахнет. Перехитрил нас полковник! Но будем думать – время есть.

Усиленный рупором голос Платайса разнёсся по депо:

– Слесарь Крутов! Ко мне!

Кондрат Васильевич отложил гаечный ключ, вылез из-под вагона и пошёл к конторке.

Она с трёх сторон была застеклена. Каждый мог видеть, как барон отчитывал за что-то слесаря. Начальник депо сидел на табуретке и сердито стучал кулаком по столу. Крутов стоял навытяжку, отвечал робко, с поклоном. А о чём они говорили, никто не слышал.

Напрасная тревога

Узнать, какое было число, оказалось не так просто. Мальчишки несколько раз задавали этот вопрос прохожим, но вразумительного ответа не получили. Попроси они хлеба или денег – это было бы понятно. А число... Зачем?

Ребятам помогло объявление, которое солдаты расклеили по городу.

– Поработай-ка, начальник штаба! – сказал Трясогузка, останавливаясь у листка со свежей типографской краской.

Мика начал читать текст вслух:

– «За последнее время в городе активизировались злоумышленники, именующие себя армией Трясогузки...

– Кх!.. – гордо кашлянул командир.

– Несколько дней назад учинено крушение поезда. Сегодня, двадцать девятого апреля сего года... – Мика посмотрел на командира. – Понял? Праздник послезавтра!

– Понял! Читай дальше! – приказал Трясогузка и заложил руку за борт френча.

– ... сего года, – повторил Мика, – нанесен ущерб подсобному строению, принадлежащему воинскому гарнизону города. В распоряжении военной комендатуры имеются заложники. Если по истечении двух суток злоумышленники не будут обнаружены, заложники будут расстреляны».

– Они и сами стрелять умеют! – шепнул Цыган.

– Фига с два! – вырвалось у Трясогузки.

Он ещё не сказал армии, что заложники не могут воспользоваться оружием. Зачем огорчать ребят? Может быть, выход найдётся?

– За мной! – скомандовал Трясогузка, чтобы прекратить разговор на эту тему.

Они вышли на улицу, которая вела к реке. Командир хотел уже разослать армию в разные стороны, чтобы по одному пробраться в штаб, но Цыган вдруг схватил его за руку.

– Это она!

Впереди шла девушка лет восемнадцати с провизионной сумкой.

– Что она? – удивлённо спросил Трясогузка.

– Прилепила листовку под деревом!

Трясогузка даже вздрогнул.

– А не врёшь?

– Вот те крест! Я её сразу узнал!

– Темно же было!

– Всё равно узнал. У меня глаза – знаешь? Как у дрессированной пантеры!

Командир остановился. Ему и хотелось наладить связь с настоящими большевиками, и в то же время было страшно. Он понимал, что армию распустят, кончится их вольная жизнь и никаких опасных дел им поручать не будут. Если бы не заложники, Трясогузка, пожалуй, отказался бы от мысли поговорить с девушкой. Но он не знал, как своими силами освободить обречённых на смерть людей, и решил пожертвовать независимостью армии. Он, конечно, надеялся так вести разговор, чтобы и заложников выручить, и свои секреты не раскрыть.

– Идите в штаб! – сказал он Цыгану и Мике. – Я с ней потолкую.

Трясогузка догнал девушку.

– Здравствуйте!

– Здравствуй, мальчик.

У девушки был тёплый голос и добрые глаза.

– Хлеба хочешь? Могу немножко дать.

Почему-то это предложение обидело Трясогузку.

– Хлеб оставьте себе!.. И скажите... там, своим скажите, чтобы выручали заложников. Они в пакгаузе заперты, их расстрелять могут.

Брови у девушки удивлённо изогнулись.

– Какие заложники? И кому я должна сказать о них?

– Кому! – усмехнулся Трясогузка. – Сами знаете! Тому, кто листовки печатает!

– Ты что-то путаешь, мальчик!

– Не притворяйтесь! – нахмурился Трясогузка. – Мы видели, как вы ночью её к забору прилепили.

Лицо девушки выразило полное недоумение. Она протянула руку и приложила ладонь ко лбу Трясогузки.

– Ты не болен?.. Лоб холодный!

Трясогузка отскочил от неё.

– А не лунатик ли ты? – продолжала девушка с глубоким и неподдельным сочувствием. – Тебе по ночам ничего не мерещится?

Трясогузка подумал, что Цыган ошибся, и бросился бежать. А девушка проводила его внимательным взглядом и быстро пошла домой.

Увидев сестру, Николай понял, что произошла какая-то неприятность. «Не в депо ли?» – подумал он. Катя ходила туда. В сумке у неё был обед для Кондрата Васильевича. Но главное заключалось в том, чтобы сообщить ему новость: партизаны подошли с севера к городку и тайно расположились в лесу, в трёх километрах от станции. Командир партизанского отряда просил согласовать с Кондратом Васильевичем час одновременного удара по колчаковскому гарнизону.

– Что? Говори скорей! – набросился Николай на сестру. – В депо?

– И в депо! – ответила Катя. – Встретиться с Кондратом Васильевичем не удалось. Депо оцепили. А когда я возвращалась...

Катя замолчала, чтобы собраться с мыслями.

– Да говори же! – поторопил её Николай.

И она подробно рассказала о странной встрече.

Николай не знал почему, но ни усиленный караул депо, ни беспризорник не очень его встревожили. Может быть, оттого, что он ожидал худшего.

– В английском френче и в пижамных брюках? – переспросил он.

Катя подтвердила.

– Это же Трофим! – воскликнул Николай. – Я встречался с ним раза два... Ничего парень, только грубый, но, мне кажется, не из подлецов. А ты будь осторожней! Беспризорники и те выследили! Конспиратор!

Катя покраснела. Упрёк был справедливый.

– Хуже с депо! – продолжал Николай. – Придётся искать лазейку!..

Вечер воспоминаний

Вернувшись в штаб, Трясогузка в первую очередь наградил Цыгана подзатыльником.

– Пантера! – насмешливо произнёс командир и добавил: – Не она!

– Да она! – воскликнул Цыган. – Хочешь, руку сожгу? – Он протянул ладонь к огоньку свечи.

– Жги! – спокойно разрешил командир.

Но Цыган отнял руку, потер ладонь о штаны и спросил:

– Значит, не она? А что она сказала?

– Ничего! – отрезал Трясогузка и для большей убедительности соврал: – Сказать ничего не сказала, а к полковнику потащила! Ну я, конечно, выдал ей пару раз – и ходу! Сзади палят, а я бегу! Во – пуля зацепила! – Трясогузка показал дырку в воротнике френча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.